

Мишель Куок

В ЛЮБВИ
ВСЕ
СРЕДСТВА
ХОРОШИ

НЕ ДОЛЛАР,
ЧТОБЫ
ВСЕМ
НРАВИТЬСЯ

Мишель Куок
Не доллар, чтобы
всем нравиться
Серия «Young Adult.
Клуб разбитых сердец»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801574

Не доллар, чтобы всем нравиться:

ISBN 978-5-04-180897-6

Аннотация

Элайза Цюань уверена, что идеально подходит на должность главного редактора школьной газеты. Она три года состоит в штате, ее материалы часто попадают на первую полосу, и никто другой не справится с этой работой лучше. Разве что Лен Димартайл, бывший бейсболист, который также выставил свою кандидатуру и победил.

Элайза готова на все, чтобы сместить Лена. И пишет гневную статью про него и тех, кто его поддержал.

Но что если неожиданно возникшие чувства к Лену заставят ее отказаться от борьбы и признать свое поражение?

«Не доллар, чтобы всем нравиться» – смешная и романтическая история о том, насколько сложной может стать жизнь, когда влюбляешься в своего злейшего врага.

Победитель премии Junior Library Guild Selection.

«Лучшая книга года» по версии An American Library Association.

А также выбор Kirkus Reviews Best Book of the Year и NPR Best Book of the Year.

«Сильный роман, наполненный чувствами, мужеством и упоительными ощущениями». – Морин Джонсон, автор книг «Пусть идет снег» и «Тринадцать маленьких голубых конвертов»

«Оригинальный дебют, который идеально подойдет для всех, кто когда-либо чувствовал себя неприятным».

Стефани Гарбер, автор бестселлера «Караваль»

«Очаровательный подростковый ромком – идеальная смесь романтики и рассуждений на значимые и актуальные проблемы. История о том, как порой тяжело сбалансировать все аспекты своей жизни и оставаться счастливым, продолжая придерживаться своих убеждений». – Melanchallina, администратор группы «Чердак с историями»

Содержание

1	6
2	14
3	30
4	45
5	58
6	72
7	83
8	90
9	96
10	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Мишель Куок

Не доллар, чтобы всем нравиться

Michelle Quach

NOT HERE TO BE LIKED

Copyright © 2021 by Michelle Quach

© Кикина И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Настоящему Дж.

1

Я делю спальню со своей старшей сестрой Ким, и все бы ничего, только каждый раз, когда я захожу, она делает недозволенную мину:

– Ты что, *в этом* пойдешь?

Она указывает на меня щеточкой туши. Будь недоумение в ее взгляде еще чуть гуще, оно начало бы осыпаться на пол.

– Нормальная одежда. – Я пытаюсь засучить рукава, но они тут же сползают обратно. – Забей.

Она права: на мне огромный полиэстеровый свитер цвета асфальта на парковке, и его никак не назовешь привлекательным. Но мне плевать. На самом деле примерно так я и одеваюсь каждый день. Однажды я прочитала, что многие важные люди носят подобную «униформу», чтобы тратить умственные усилия не на внешний вид, а на то, что действительно важно, – поэтому я последовала их примеру. Ким считает, что это ужасный образ жизни.

– Разве сегодня у тебя не большое событие?

Я плюхаюсь на кровать с книгой. Это роман Айлин Чжан, который я случайно нашла в библиотеке. Мне он нравится, потому что главная героиня – китаянка, умная, но немного ершистая. Было бы таких в мире побольше. Но это, конечно, только мое личное мнение.

– Так как? – спрашивает Ким, дождавшись, когда я пере-

верну страницу.

Я откусываю кусочек сачимы по-кантонски (это такая плотная липкая мучная сладость, похожая на батончик из воздушного риса, только без зефирок). Я чувствую, как нетерпение Ким прямо-таки сгущается в воздухе, поэтому делаю глоток чая и переворачиваю еще одну страницу.

– Точно, – соглашаюсь я. – Большое событие.

Сегодня редакция «Горна Уиллоуби», нашей школьной газеты, будет выбирать нового главного редактора на следующий год. Это священный ритуал, который проводится примерно в одно время каждую весну. А в этом году я перешла в десятый класс, так что наконец имею право выдвинуть свою кандидатуру.

– Так, может, оденешься понаряднее? – Ким снова принимается рисовать себе карандашиком толстые горизонтальные брови, как у актрис из корейских сериалов. – Или ты не хочешь, чтобы за тебя голосовали?

Вообще-то я не верю в самопиар, никогда не верила. Как я люблю повторять, продвинуть тебя могут только факты, что в журналистике, что в жизни. И вот факты обо мне.

Уже почти три года я состою в штате «Горна», и такого плодотворного, усердного и ответственного работника в редакции никогда прежде не было. Я могу написать качественную статью на 750 слов ровно за полчаса. Каждый месяц в половине случаев на первой полосе оказываются именно мои материалы. Я уже сейчас являюсь ведущим редактором, хо-

тя на эту должность обычно назначают учеников выпускного класса. Так что я не хочу, чтобы редакция «Горна» проголо-совала за меня только из-за того, что я приоделась. Они выберут меня, потому что это самый разумный вариант. Ведь – без преувеличения – никто другой не справится с этой работой лучше.

А еще потому, что (так уж вышло) выбирать не из кого. Больше никто не предложил свою кандидатуру.

– Я единственный кандидат, так что для назначения мне просто надо набрать достаточный минимум голосов, – объясняю я, дожевывая сачиму. – Вообще это больше похоже на назначение в Верховный суд, чем на выборы.

Но Ким так просто не переубедишь.

– Хочешь, я тебе хоть волосы завью или еще что-нибудь в этом роде?

Честное слово, иногда моя сестра настолько же упертая, насколько непробиваемая.

– Для редакции «Горна» это не важно, Ким. Там смотрят на заслуги. – Я скатываю шуршащую обертку от сладости в шарик. – Если бы я хотела поучаствовать в фарсе, я бы баллотировалась в ученический совет.

– Ну, как-то раз ты ведь это сделала.

А это уже неожиданная колкость, резкая, но несущественная, как порез от бумаги.

– Это было давно.

Ким всего на два года старше меня, и раньше она тоже

училась в Уиллоуби. В прошлом году, когда она оканчивала школу, я надеялась, что, когда она выпустится, я наконец от нее освобожусь. Но потом она, естественно, прошла только в Калифорнийский университет в Ирвайне. «Так близко от дома! – сказал тогда папа. – Не придется жить в общежитии и тратить на него деньги». Вот и приплыли. Как в старые добрые времена.

– Можно хотя бы иногда навести красоту, Элайза, от этого не умирают.

Я корчу рожу: один глаз зажимаю, морщу нос, свешиваю набок языка.

– А что, я, по-твоему, некрасивая? – шучу я, пытаюсь говорить, не меняя гримасы.

Ким отвечает так, словно я задала вопрос всерьез.

– Да.

Мое веселье утекает холодной капелькой вниз по шее. Секунду я наблюдаю, как сестра легко наносит коралловое пятно на губы, а потом вяло пытаюсь пошутить еще раз:

– А ты не верь стереотипам о том, что привлекает мужчин, Ким.

Но она верит на все сто. Видите ли, сестра из тех девушек, которые, на свою беду, считают, что должны быть красивыми. Вообще она не виновата, к тому же она и так красивая. У нее чудесные глаза, большие, как у актрисы Фань Бинбин, с такой почти европейской складочкой верхнего века. Чтобы иметь такие веки, многие азиатские девчонки, может, не

убили бы, но точно рассмотрели бы вариант приставить кому-нибудь нож к горлу. Когда мы были помладше, люди часто восклицали (обычно на кантонском диалекте), какая она хорошенькая: «*Gam leng néuih ā!* Она могла бы участвовать в конкурсе “Мисс Гонконг!”».

– А ты разве хочешь заниматься такой ерундой? – спросила я однажды, но мама на меня шикнула:

– Это *не тебе* говорят!

Мама как раз появляется на пороге, чтобы проверить, готова ли я идти.

– *Đi du’o’c chu’a?* – спрашивает она по-вьетнамски.

У нас дома часто говорят как на вьетнамском языке, так и на кантонском диалекте. А вот мандаринское наречие звучит только изредка, обычно в виде какого-нибудь мудрого изречения. Кантонцы нашу семью назвали бы *wàh kùuh*, то есть «заморские китайцы». По сути, это означает, что хотя три поколения нашей семьи жили во Вьетнаме, тем не менее мы все пытаемся быть китайцами. Мы с Ким понимаем все три языка, но, будучи ленивыми американками, часто отвечаем по-английски.

– Да, конечно, – говорю я маме, слезая с кровати и начиная собирать учебники.

Она пользуется возможностью оценить мой внешний вид:

– Ты разве?..

– Пойдем. – Я вскакиваю и проношусь мимо нее, прижимая книги к груди. Рюкзак наполовину расстегнут. – Пока,

Ким!

На улице воздух пока прохладный, как будто солнце еще само не свое. Оросители только что отключились, оставив пятна темного асфальта вдоль газона. Мы с мамой идем мимо рядов знакомых домов. Я вдыхаю испаряющийся туман. Пахнет сырым бетоном и теплой почвой. Утро в оштукатуренной пустоши.

Мы идем вдоль длинного проезда к нашей крытой стоянке, и тут у меня гудит телефон. Это сообщение от Джеймса Джина, нынешнего главного редактора «Горна».

Думаю, тебе будет интересно узнать, что написал мне прошлым вечером Лен Димартайл.

Неожиданно. Лен – наполовину японец, наполовину белый, его в этом месяце перевели в новостной отдел. Мы с Джеймсом никогда прежде о нем не говорили.

Я: А что, он уходит?

Джеймс: Вообще-то он решил в главные редакторы податься.

– Элайза, я же тебе сто раз повторяла, не морщи лоб так сильно, – делает замечание мама. Наша машина в нескольких метрах от нас, и она снимает ее с сигнализации. Автомобиль неодобрительно пикает. – Ты что, хочешь такой и остаться? Как квашеная капуста!

Я отстаю от мамы на несколько шагов, и теперь мои брови могут лезть на лоб, сколько им вздумается.

Я: Он нарцисс или мазохист?

Джеймс: Да ладно тебе, Цюань. Это неспортивно.

– Это у тебя точно от отца. – Мама продолжает разглазговать насчет моей лицевой гимнастики. – Отвратительная привычка.

Я не обращаю на нее внимания и сажусь на пассажирское кресло. Одной рукой захлопываю дверь, а другой пишу сообщение:

Я: Ничего неспортивного.

Джеймс: Вот как? Значит, тебе плевать, что наш Леонард бросает тебе вызов?

Вот теперь мой лоб действительно превращается в гармошку. Серьезно? «Наш» Леонард вошел в штат «Горна» всего лишь год назад. Не знаю, что он думал, когда предложил свою кандидатуру, но факт остается фактом: Леонард еще совсем зеленый, как яблоко сорта «Веселый фермер».

Я: Мне все равно, что он делает. Мечтать не вредно.

Джеймс: Ну хорошо. Рад, что ты не боишься небольшой конкуренции.

– Элайза, ты хоть слушаешь? – спрашивает мама нахмурившись и заводит машину.

– Да, конечно.

Но мои плечи напряжены из-за неожиданной новости. Точно так же они напрягаются, когда, играя в «Эрудит», я готовлюсь построить слово с заходом на красную клетку, ко-

торая утраивает очки. Я печатаю:

Пусть попробует.

«Горн» был основан через три года после того, как старшая школа Уиллоуби открыла свои двери для учеников. Это была первая муниципальная академия для подготовки к вузу в объединенном округе Жакаранда. Сначала редакция была маленькая. Группа преданных своему делу ребят во главе с Гарольдом Слоуном (или просто Гарри, выпускником 1987 года), молодым человеком с непревзойденным даром смотреть в будущее. Почти все традиции «Горна» возникли благодаря его удивительной изобретательности.

Даже само название, «Горн». Гарри его выбрал, потому что оно навевает отдаленно-военные ассоциации, связанные с нашим школьным талисманом, спутником «Страж». Как-то раз, в первый год существования газеты, он притащил настоящий латунный горн, который, как многие считают, он стянул из соседней Академии св. Агаты (тогда она называлась Военная школа св. Агаты для мальчиков). На самом деле Гарри купил его в антикварной лавке в Фуллертоне (штат Калифорния). Я это знаю, потому что однажды из любопытства написала ему электронное письмо, и он мне рассказал, как было дело. На горне выгравировали лозунг издания: «*Veritas omnia vincit*», и сейчас он украшает рабочий стол мистера Пауэлла, как настоящая историческая ценность. «Истина все побеждает».

А вот еще пример: уже упоминавшиеся выборы. Главного редактора «Горна» всегда выбирают точно так же, как в первый год выбрали Гарри, – общим голосованием сотрудников редакции. Рассказывают, что он хитростью добился того, чтобы главредом выбрали его, а не Лизу Ван Виз, также выпускницу 1987 года (все знали, что школьный психолог в редакторы прочил ее). Гарри это отрицал, а комментарий от девушки я получить не смогла. Но, наверное, самая крутая идея Гарри – это Стена редакторов. На дальней стене редакции, между шкафом, полным томов Шекспира, и постером мистера Пауэлла с певцом Джонни Кэшем, разместились портреты всех главных редакторов, начиная с Гарри. Эту традицию он подсмотрел в студенческой газете во время экскурсии по северо-восточным вузам. Каждый портрет нарисовал настоящей китайской тушью Итон Го, выпускник 1988 года, первый художник и некогда карикатурист «Горна». Он и сейчас рисует каждого нового главного редактора (даже при том, что работает стоматологом в Ирвайне).

Стена редакторов – это первое, что я вижу каждое утро, когда вхожу в класс мистера Пауэлла на нулевой урок. И всякий раз я хотя бы на секунду замираю, чтобы полюбоваться портретами и напомнить себе, к чему стремлюсь. Потому что правда такова: если твое лицо окажется в этом ряду, то ты значимая личность в школе Уиллоуби. Это все равно что быть школьным президентом (еще одна важная должность в школьном самоуправлении): если ты главред «Горна», зна-

чит, ты входишь в состав организации. Даже если главред из тебя выйдет никакой, ты оставишь след в истории. Ты всегда сможешь сказать: «Ну, по крайней мере мой портрет висит на стене».

В это утро, пока я замираю у Стены редакторов и задумываюсь, через сколько лет начнет желтеть мой портрет, как более ранние, ко мне подскакивает Касси Хасинто. Она вполне дельный фотограф «Горна», десятиклассница с пышным хвостиком и зубастой улыбкой, скрепленной брекетами.

– Привет, Элайза! – восклицает она. – Ждешь не дождешься?

Я отхожу от Стены редакторов и ставлю рюкзак на свою парту.

– Конечно...

– Я тоже! В смысле, я болею за тебя.

– Спасибо, я...

– Но ты ведь слышала про Лена, да? – Теперь ее голос понижается до шепота, и, прежде чем я успеваю раскрыть рот, Касси спешно добавляет: – Ты же из-за него не волнуешься, правда? Потому что тебе не стоит беспокоиться. Ведь ты куда лучше подходишь, у тебя намного больше...

– Касси, – на этот раз уже я перебиваю ее. – Я не волнуюсь. Правда.

– Круть!

Она улыбается, словно всегда знала, что у меня все получится. Потом она подставляет мне кулак, я стучаю своим в

ответ, и она убегает по своим делам, а я сижу и думаю, почему это все предполагают, что этот Лен, третьесортная кандидатура, выставленная в последнюю минуту, может представлять для меня хоть какую-то угрозу.

Несколько минут спустя я стою у редакционных компьютеров и роюсь в ящике, пытаюсь найти красную ручку, и тут из-за моего плеча выпархивает листок бумаги. Вздвогнув, я неловко подставляю руки, но он все равно падает на пол. Это черновик статьи о миз Веласкес, работнице столовой, которая в следующем месяце выходит на пенсию. Прочитав в подзаголовке имя автора, я оборачиваюсь, но он уже идет прочь.

– Спасибо, – говорю я Лену вслед, а он машет в ответ, не оглядываясь.

Я опускаю глаза и притворяюсь, что заинтересовалась его черновиком, но на самом деле наблюдаю, как Димартайл возвращается на свое место по соседству с постером Джонни Кэша. Обычно он весь нулевой урок проводит в этом углу и говорит так редко, что можно забыть о его существовании. В мгновение ока парень ловко запрыгивает на одну из парт, садится по-турецки, пристраивает на колени ноутбук. Удивительно кошачье движение.

– Ну что?

Возле меня вдруг оказывается Джеймс, и тут я понимаю, что ящик, в котором я искала ручку, до сих пор торчит открытым. Я поскорее толкаю его, чтобы закрыть.

– Привет, – громко говорю я, потому что вижу: он заметил, как я подсматривала за Леном, а комментарии от него мне сейчас совершенно не нужны. Я пытаюсь придумать, чем бы его отвлечь. – Слышал про новое кафе с чаем боба ¹?

– Ну? – Он заинтересованно замирает. Джеймс обожает пенистый чай с шариками из тапиоки.

– Дату открытия назначили через две недели. Я узнала от Алана Родригеса.

Алан из тех представителей старшего поколения, которые бегают марафоны и носят пастельные рубашки поло с шортами цвета хаки. Он президент Торговой палаты Жакаранды. Я с ним познакомилась еще два года назад, когда газета «Местные новости Жакаранды» объявила о банкротстве.

Джеймс радостно восклицает:

– Ну наконец-то!

Недавно кто-то начал ремонтировать небольшой ряд заброшенных павильонов через дорогу от школы, рядом с пресвитерианской церковью, служители которой на своем стенде пишут странные изречения (типа «Иисус хочет устроить тебе кардинальную смену имиджа»). Эти здания пустовали уже несколько месяцев, и первым арендатором стало кафе «Братаны боба». Уже много лет единственным тусовым местом в шаговой доступности от школы была убогая «Молоч-

¹ Чай с шариками – пенистый чайный напиток, в который добавляют «жемчужины» – шарики из тапиоки, также известные как «бобá». Чаще всего готовится на основе чая с фруктовым соком или молоком, иногда с добавлением льда (прим. пер.).

ная королева» в двух кварталах, так что открытие нового заведения определенно будет новостью, по крайней мере в такой небогатый на события месяц.

– Я думаю, об этом надо написать материал, – говорю я.

– Согласен. Добавь на первую полосу. – Джеймс дает мне пять. – Так держать, Цюань, вот как делают новости.

Ободренная его похвалой, я горделиво вышагиваю к своей парте, но как только усаживаюсь прочитать черновик Лена о миз Веласкес, бурление в моей душе принимает новый, состязательный оттенок. Проглядывая статью, я получаю напоминание, что хотя его материалы изобилуют ошибками и шероховатостями, они тем не менее... ну, хорошие, что ли. Меня очень притягивает лаконичная первая строка: «Когда Марии Элене Веласкес было двенадцать лет, она мечтала стать танцовщицей».

Подумать только, эта женщина двадцать пять лет жизни проработала на выдаче обедов в школьной столовой – и как он начинает историю о ней?

– Привет, Элайза. – Аарав Пател, десятиклассник, прогулочным шагом подходит ко мне в своей стремной кожаной куртке. – Как дела?

– Нормально.

Я пролистываю папку, нахожу его черновик, который отредактировала прошлым вечером. Аарав сделал материал о ежегодной распродаже выпечки, устроенной ученическим советом, – эта статья в любом случае была бы занудной, даже

в руках более способного журналиста.

– Только нормально? А почему всего лишь нормально? – допытывается Аарав, как будто не понимает, почему слово «нормально» кажется мне адекватным ответом на его вопрос.

Я одаряю его бесстрастным взглядом.

– А *у тебя* как дела?

– Здорово! – Он улыбается во весь рот. – Я сегодня иду на концерт. Прямо не терпится.

– Это хорошо. Вот, держи.

Я передаю его черновик, как обычно, испещренный красными правками.

– О-о, ты что, серьезно? – обиженно надувается Аарав, забирая у меня листок. – Разве все настолько плохо?

Я пожимаю плечами. Когда дело касается выражения мыслей на письме, мастерство Аарава находится где-то на уровне третьего класса.

– Красный цвет ручки такой агрессивный, Элайза. Может, попробуешь, например, фиолетовый? Ну, знаешь, чтобы не так тыкать людей носом в их недочеты.

Он пытается сгладить эти слова быстрой извиняющейся улыбкой в своей типичной манере: наполовину язвительной, наполовину плаксивой, свойственной красивым мальчишкам. Аарав еще не понял, что его шарм не действует на такую непривлекательную девушку, как я.

– Может, просто напишешь более читабельный черно-

вик? – предлагаю я.

Следующая на очереди Оливия Нгуен. Она новичок, и, когда я возвращаю ей отредактированную статью, руки у нее трясутся. Сегодня ее ногти покрашены разными оттенками розового лака. В этом месяце Оливия пишет всего один по-настоящему крупный материал о недавних сокращениях бюджета на работу кружков, что значительно сильнее ударит по небольшим группам, которые посвящены менее популярным увлечениям учащихся.

– Ну хорошо, – говорю я как можно терпеливее, – я вижу, что на этот раз ты опросила больше людей, а не только свою подругу Сару. А вообще... – Я забираю у Оливии черновик и быстро проглядываю его. – Мы ее вырежем, ладно? Помнишь, что мы говорили насчет конфликта интересов?

– Да? – Голос застревает у Оливии в горле.

– Да, так что на этот раз намного лучше. – Я постукиваю по листку ручкой. – Вот только понимаешь, у тебя каждый абзац – цитата. Тексту нужна более четкая структура. Ты ведь автор, так что тебе нужно, по сути, рассказать нам историю.

Оливия торжественно кивает. Такое впечатление, что она меня боится, но я об этом не беспокоюсь: Джеймс говорит, что, когда он с ней беседует, она тоже вся дергается.

Последний черновик написала Натали Вайнберг, еще одна десятиклассница. Я окидываю взглядом помещение, чтобы понять, пришла она или нет, и вижу, что она направляется в

угол, где сидит Лен. Это немного странно.

Тот сосредоточенно смотрит в компьютер и не замечает девушку, но Натали говорит что-то, что заставляет Лена поднять взгляд, на секунду он даже улыбается, словно обычный человек, а не штатный затворник «Горна». Натали продолжает говорить, но ее слов я не слышу. И тут Лен смеется, как будто считает ее по-настоящему остроумной. С каких это пор Натали стала остроумной?

Я отвожу взгляд. Сейчас не время размышлять о загадках вселенной.

Джеймс встает на стул у классной доски и машет руками, и этот жест одновременно клоунский и полный достоинства: так мог бы сделать какой-нибудь мировой лидер, сходя с трапа самолета.

– О римляне, горнисты и друзья! – возглашает он. – Меня своим вниманьем удостойте!²

Все замолкают. Мистер Пауэлл в дальней части комнаты прочищает горло и чуть наклоняет голову. Джеймс слезает со стула, но невозмутимо продолжает:

– Сегодня ежегодные выборы «Горна», на которых у вас будет возможность избрать нового главного редактора. Как вы знаете, это уникальная традиция среди ученических газет, которую установили наши предшественники из глубокого уважения к силе демократии. Цените привилегию из-

² Отсылка к пьесе Шекспира «Юлий Цезарь», речь Марка Антония в переводе Козлова (прим. пер.).

бирать того, кто поведет вас, и голосуйте мудро. Как ваш нынешний бесстрашный лидер, я знаю, что заменить такого неподражаемого главреда, как я, будет непросто...

Здесь Тим О'Каллахан, редактор отдела новостей, улюлюкает, не вставая из-за парты, и по классу прокатывается волна смешков, а потом волна требовательного шиканья. Джеймс жестом призывает сотрудников к молчанию.

– Но я также знаю, что, кого бы вы ни избрали, он или она примет этот вызов и приложит к делу всю свою отвагу, убежденность и харизму. – Джеймс начинает ходить туда-сюда. – Этот человек будет усердно трудиться, чтобы быть достойным места на Стене редакторов. Проводить за работой бессонные ночи, чтобы оправдать ожидания, которые налагает на нас этот неприкосновенный символ прозрачности и ответственности.

Он берет горн со стола мистера Пауэлла, как будто хочет в него подуть, чтобы придать словам больше веса, но потом передумывает.

– Помните: обсуждения пройдут во время обеденного перерыва, в конце которого мы проголосуем, так что готовьтесь к оживленным дебатам. И не опаздывайте! – Он направляет горн на меня, потом на Лена. – Вы, ребята, естественно, из этого процесса исключаетесь. – Теперь Джеймс сводит ладони вместе. – На этой ноте пусть начнутся речи кандидатов!

Мы с Леном играем в «Камень-ножницы-бумага», чтобы решить, кто будет говорить первым. В первые три тура вы-

ходит ничья: сначала камень, потом ножницы, затем опять камень.

– Ну хватит вам, – говорит Джеймс, вставая между нами, как рефери, – мы не можем тут ждать целый день.

Я поднимаю взгляд на Лена и впервые замечаю, какой он высокий. Моя макушка доходит до ворота его рубашки, помятого и частично скрытого под толстовкой с капюшоном. «Ладно, Димартайл, – думаю я. – Давай с этим заканчивать. Что бы ты ни выкинул, только не выкидывай то же, что и я». Волнуясь, я сжимаю пальцы в кулак, и мы начинаем снова. Камень, ножницы...

На счет «три», словно услышав мою безмолвную мольбу, соперник выставляет два пальца. Перевернутый знак «мир» – ножницы. А моя рука все так же сжата в кулак. Я первая.

Лен и Джеймс отходят, я оказываюсь одна перед классом, и внезапно все смотрят на меня. Я разглаживаю свитер спереди и стараюсь забыть о стеснении.

– Ну что ж, – говорю я, прочищая горло.

Всегда так неловко начинать подобную речь, когда ты более-менее знаешь всех собравшихся. Может, надо говорить «привет», как в обычном разговоре? Или просто начать с места в карьер, как будто выступаешь на конференции TED ³?

³ TED (от англ. «Технологии, развлечения, дизайн») – американский частный некоммерческий фонд, известный своими конференциями. Конференции призваны распространять уникальные идеи, и их видеозаписи находятся в Интернете в свободном доступе (прим. пер.).

Что покажется менее фальшивым? Я стряхиваю волнение и вызываю в памяти речь, которую репетировала.

— Я здесь, потому что хочу быть главным редактором «Горна». — Окидывая взглядом класс, я останавливаюсь на Джеймсе. Он прислонился к дальней стене. Руки его скрещены на груди, но он оттопыривает большие пальцы. — Позаимствую любимое словечко Джеймса: я думаю, я буду обалденным главредом.

Это заявление вызывает пару смешков. Все знают, что если Джеймс нацарапает «ОБАЛДЕННАЯ РАБОТА» через весь твой черновик вместо того, чтобы исчеркать правками, значит, ты наконец написал что-то стоящее. Осмелев, я иду в наступление:

— Я «горнистка» с девятого класса. Написала более тридцати статей, и шестнадцать из них попали на первую полосу. Четыре раза участвовала в конференции школьников-журналистов Южной Калифорнии и два раза занимала первое место. Сейчас, как вы знаете, я ведущий редактор, возглавляю самый крупный из наших отделов, новостной, и контролирую контент всех остальных. В общем, я, наверное, провела больше трехсот пятидесяти часов, работая для «Горна», так что если говорить об опыте, то его у меня в избытке.

Дальше я рассказываю о своих предложениях на следующий год. Нам надо посотрудничать с ребятами из класса углубленного изучения информатики и создать интерактивную инфографику, как у «Нью-Йорк таймс». Нам надо де-

лать что-то похожее на видео от спецкоров, как на сайте журнала «Вайс». Просматривать находящуюся в свободном доступе информацию о нашем районе в поисках инфоповодов. Мы должны перешагнуть через установленные барьеры и говорить начистоту об этнокультурных различиях и случаях насилия с применением огнестрельного оружия.

– Мне не терпится поработать вместе с вами над всеми этими проектами, – заключаю я. – Я надеюсь, вы согласитесь, что я лучший кандидат, чтобы возглавить «Горн» в следующем году.

Когда я сажусь, все вежливо хлопают.

– Лен? – говорит Джеймс, указывая на моего оппонента.

Парень проходит на середину. Он размахивает руками взад-вперед и смыкает кулаки, когда они встречаются впереди. Потом он делает пару вращений плечами назад, встряхивает ими. У меня возникает ощущение, будто я смотрю, как разминается спортсмен, готовясь к соревнованию. По сути, как раз это я и вижу.

– После Элайзы говорить непросто, – начинает он, улыбаясь. У него широкая улыбка, которая настолько сужает его глаза, что начинаешь сомневаться, а тебе ли он улыбается. – Но я, пожалуй, попробую. – Он прячет руки в карманы толстовки. – Это правда, я присоединился к редакции «Горна» всего год назад. Может, чуть больше. Кто-то из вас знает, что я раньше играл в бейсбол. У всех свои увлечения, так? Он был моим. Я был питчером, и притом очень хорошим.

Можно сказать, я был Элайзой Цюань бейсбольной команды Уиллоуби.

Эта фраза, похоже, показалась забавной всем, кроме меня.

– Однако мне пришлось уйти, – продолжает он, – потому что я порвал связку локтевого сустава. И не буду врать, было тяжело.

Я смутно помню, как какое-то время в девятом классе он носил ортез.

– Я больше не мог подавать. По крайней мере так, как раньше. Мне вообще нельзя было играть в бейсбол. После операции врач сказал, что какое-то время мне придется обходить поле стороной. Это время показалось мне вечно­стью. – Он делает паузу. – Я был совершенно потерян.

Невероятно, но все присутствующие вслушиваются в каждое слово. Может, остальные тоже осознали, что за весь срок работы Лена в редакции это самая длинная речь, которую он произнес?

– Но в конце концов я понял: надо попробовать что-то еще. И подумал: если я не могу играть в бейсбол, чем бы еще я хотел заниматься? – Он пожимает плечами. – И вот я бродил по весенней ярмарке кружков и увидел столик «Горна». Наверное, кто-то из вас там был.

Там была я. Я вызвалась сидеть за столиком редакции всю неделю, потому что рассудила: так надо сделать, если я хочу когда-нибудь стать главным редактором. Теперь мне луч-

ше вспоминается Лен в тот день. Он был больше похож на спортсмена: не такой бледный, как сейчас, скорее подтянутый, а не худой. Фигура его тогда еще не обрела более мягких очертаний, и он еще не превратился обратно в тощего мальчишку. На голове была бейсболка команды Уиллоуби. Волнистые волосы были длиннее и торчали из-за ушей, и тогда они были выгоревшие, такого медово-коричневого цвета, какой приобретают темные волосы, когда человек проводит много времени на солнце.

– Я вступил в редакцию «Горна», потому что мне нужно было какое-то занятие. И только потом я понял, что это не просто занятие, а мое призвание.

Я поглядываю на Джеймса и театрально закатываю глаза, но тот, похоже, заинтригован.

– Я понял, что мне нравится писать, – продолжает Лен, – и получается вполне неплохо. У меня не так много наград, как у Элайзы, но на прошлогодней конференции я занял призовое место. А точнее, первое. За лучшую основную статью номера. – Секунду он смотрит на меня прохладно-соперническим взглядом, и нервная дрожь, пробегающая между нами, похожа на электричество. – Это был мой первый конкурс.

Я пытаюсь скрыть участившееся сердцебиение за ухмылкой, делая вид, что он меня не впечатлил.

– Я просто хочу показать, что я не полный салага. И тем не менее свою кандидатуру я выставил не из-за всего этого. Нет. Самое главное, я хочу отплатить «Горну» добром за добро.

Я хочу, чтобы вы могли выбрать, кто будет возглавлять вас в следующем году. Самое главное – это демократия, самое главное – показать, каким может быть «Горн» на пике своих возможностей.

Лен слегка проводит пальцами правой руки по волосам, и я тут же считываю это движение как скрытый знак беспокойства – но все остальные, похоже, видят в нем жест Мистера Крутого.

– Я верю, что все вы сделаете правильный выбор, – говорит Лен, чуть склоняя голову, словно в едва заметном поклоне.

Пока он возвращается на свое место, класс заполняют аплодисменты, и мне хватает ума понять, что я попала.

– Это была полная брехня! – клоочу я, разрывая блестящую зеленую упаковку корейских колечек со вкусом лука. Они легкие, хрустящие и идеально просоленные, и это очень опасное сочетание. Мы с Вайноной на них конкретно подсе-
ли.

– Ну ты же не знаешь наверняка, а вдруг он не врал, – говорит Вайнона, доставая из пакета колечко.

У нас с ней нет седьмого урока, так что мы тусуемся под единственным тенистым деревом в школьном дворе – под раскидистым старым дубом среди моря чахлых пальм. Вайнона сидит за одним из обеденных столов, якобы делая домашку для углубленного курса химии, а я хожу туда-сюда с пакетом луковых колечек.

– Он нес какую-то чушь насчет того, что «Горн» – это его призвание. – Я сминаю упаковку в кулаке. – Это точно вранье. Клянусь, он избегает людей еще больше, чем я.

Вайнона поправляет сползшие очки. Они винтажного вида, сверху розовая с золотом оправа. Их линзы совершенно никак не смягчают оценивающий взгляд, который она направляет на меня.

– Так разве бывает?

Вайнона Уилсон, одна из троих чернокожих ребят в десятом классе, моя лучшая подруга и самый умный человек

среди всех знакомых. Я встретила ее в девятом классе, когда нас распределили в одну группу для проекта по испанскому. На первом собрании Дивья Чадха и Джейкоб Лэнг, тоже входившие в нашу команду, были не меньше меня поражены заявлением Вайноны, что мы не будем тупо снимать, как используем глагол «gustar». Нет, сказала она, мы сделаем *фильм*.

– Но ведь все эти фильмы даже не испанские, – запротестовала Дивья, когда Вайнона показала нам свой источник вдохновения: несколько отрывков из черно-белых картин, которые можно было понять только с субтитрами.

– А нельзя просто снять обычный видос, и дело с концом? – вмешался Джейкоб. – Как вы думаете, может, написать Заку Рейнольдсу и спросить про дискотеку?

– М-м, давай, – согласилась Дивья.

Тогда Вайнона посмотрела на меня, сузив глаза: она явно ожидала, что я ее тоже разочарую. Но мне ее идея была гораздо интереснее, чем чужая личная жизнь.

– Нет, – сказала я. – Давайте снимем фильм.

На деле это значило, что в основном проектом занимались только мы с Вайноной (и получили пять с минусом из-за пары ошибок в спряжениях). Именно с того самого дня мы почувствовали близость по духу, и я думаю, с тех пор Вайнона достаточно четко представляет себе, что я за человек.

Даже тогда, когда мне этого совсем не хочется.

– Я имею в виду... Большую часть своей жизни я провожу

в редакции «Горна» и почему-то не заметила, что Лен обрел там «свое призвание».

– Может, у тебя просто спортивная слепота?

– Это еще что такое?

– Твой мозг отключается, когда надо обработать любую информацию, связанную со спортом. Иногда мне кажется, что ты физически не можешь видеть спортсменов или людей, которых ты ими считаешь, – например Лена.

– Ну-у, он вообще-то ушел из спорта.

– Ага, теперь ты это знаешь, поэтому уже можешь его видеть.

Вдалеке я замечаю Джеймса, направляющегося в нашу сторону, скорее всего, по пути к парковке. При виде меня он останавливается как вкопанный. Это странно, потому что он из тех парней, которые будут выкрикивать твое имя через комнату, полную людей, и локтями растолкают сотню незнакомцев, просто чтобы хлопнуть тебя по спине.

Не успев додумать, что бы это значило, я уже приподняла руку в приветственном жесте, и теперь уже ни он, ни я не можем притвориться, что не заметили друг друга.

– Эй, Цюань, – говорит он, приближаясь к столу. Джеймс пытается изобразить жизнерадостность, но в его тоне чувствуется фальшь. – Привет, Вайнона. – Заметив луковые колечки, он берет одно себе. – О, клево, обожаю их.

– Ну что?.. – Я отдаю ему весь пакет. – Как прошло голосование?

– О. – Он хрустит колечком. – Нормально.

Легкое колебание в его голосе мгновенно превращает гущу со вкусом лука у меня в желудке в ледяной комок.

– Джеймс, расскажи мне, что там было.

– Ты и так скоро узнаешь. – Его кожа, и без того призрачно-бледная, сейчас приобретает нездоровый цвет. – Результаты я должен выслать уже сегодня.

Вайнона перестала притворяться, будто делает домашку по химии, и протянула руку через стол.

– Да скажи ты ей!

Джеймс скребет асфальт носками высоких кед – сначала правым, потом левым.

– Ладно, – говорит он наконец, потирая затылок. – Блин, мне жаль, Элайза, но они выбрали Лена.

Я знала. Я знала, что так и случится. Я знала, но почему-то от этого не стало легче поверить его словам.

– *Они* выбрали Лена?

Брови Джеймса подпрыгивают и сходятся вместе.

– Ну да, *они*. Я голосовал за тебя.

Я смотрю на Вайнону, но она шокирована не меньше моего.

– Они выбрали *Лена*? – повторяю я уже громче.

Джеймс разворачивается, проверяя, слышал ли кто-то.

– Да, но пока не говори никому, ладно?

Я таращусь на землю, на траву, примятую металлическими ножками стола для пикника. Я так долго хотела стать

главным редактором нашей газеты, что эта мечта, по сути, стала одной из моих жизненных функций: ешь, спи, планируй, как будешь руководить «Горном». А теперь мечте конец. Полный каюк. И все из-за какого-то тупого спортсмена?

– Но он даже не отвечает требованиям, – со скрипом выдавливаю я. – Совсем.

Я думала, что такой идиотизм не может случиться в «Горне». Именно поэтому я и пошла в редакцию. Поэтому корпела там день и ночь. По идее, «Горн» – это организация, где важны способности и заслуги. Где важно зарекомендовать себя. Где важна долбаная добросовестность.

– Не знаю. – Плечи Джеймса так сильно поникли, что он даже не в силах ими пожать. – Наверное, он произнес сильную речь.

– Так вот, значит, к чему все сводится? – Я всплескиваю руками и чуть не заезжаю Вайноне по лицу.

– Типа того. То есть я не знаю.

– Что значит, ты не знаешь? Ты же там был!

– Я знаю. Знаю.

– Так что же случилось?

У Джеймса страдальческий вид.

– Выкладывай уже, – требует Вайнона.

Она забирает у него луковые колечки и начинает трескать их без остановки, словно смотрит фильм и сейчас будет самое интересное.

– Ну... – начинает Джеймс. Каждый слог дается ему с уси-

лием, хотя обычно он за словом в карман не лезет. – Наверное, некоторые проголосовали за Лена, потому что им показалось... в общем, показалось, что он больше похож на лидера.

– Чего?! – выкрикиваем мы с Вайноной одновременно.

– Что это вообще значит? – добавляю я.

Джеймс теребит лямку рюкзака.

– Наверное, не стоит...

– Я хочу знать.

И в этот момент он сдается. Я вижу это по осанке: он словно бы обмяк, оставив последние попытки подсластить пилюлю.

– Люди считают, что ты как бы слишком суровая, Элайза. Жесткая, когда дело касается правок. В общем, наверное, слишком критикуешь.

Лицо мое начинает гореть. Одно дело подозревать, что люди говорят о тебе гадости, а другое – знать это наверняка.

– Просто у меня высокие стандарты. – В горле странная сухость. – Как и у тебя.

– Я знаю, – говорит Джеймс. – Именно поэтому из тебя вышел обалденный журналист...

– Но ведь *ты и сам* суровый, – перебиваю я. – Ведь *ты и сам* критикуешь. И тем не менее *тебя* в прошлом году избрали без проблем.

– Я знаю, но... Слушай, Элайза, знаешь, иногда ты бываешь ну как бы холодной. И даже не стараешься это сгладить.

Не верится, что я такое слышу.

– Вплоть до сегодняшней речи, из-за которой все резко поменяли мнение, совсем не старался у нас *Лен*. – Я пинаю ножку стола для пикника, но он даже не шатается. Я все равно пинаю еще раз. – Он сказал тебе хоть пару слов, кроме того, что было совершенно необходимо?

– Ну, не знаю, люди, похоже, считают, что... к нему проще подступиться. Ну типа, что он не лезет из кожи вон.

– Так как же, меня не выбрали потому, что я не стараюсь, или потому, что я из кожи вон лезу? Одно из двух!

Джеймс устало выдыхает:

– Ты знаешь, что я хочу сказать, Элайза.

– Нет, – говорю я. – Нет, я понятия не имею, что ты хочешь сказать.

– Слушай, если бы все зависело от меня, новым главредом стала бы ты. Однозначно. – Он сдувается еще сильнее. – К сожалению, я ничего не мог сделать. Я пытался их переубедить, но они не слушали. Они сказали, что ты слишком «поддерживаешь руководство».

– Слишком «*поддерживаю руководство*»? – тупо повторяю я.

– Представляешь? Только из-за того, что мы с тобой дружим. Но с каких пор я считаюсь «руководством»? – Такое мнение, похоже, сильно уязвило Джеймса.

– Я... – Я не могу решить, что сказать. У меня слишком много мыслей, и все они едкие.

Джеймс перевешивает рюкзак на другое плечо.

– В общем, мне пора идти, Элайза, но мне действительно жаль.

И хотя слова его звучат искренне, я чувствую, что проваливаюсь в обиду.

– Как ты?

Он несмело кладет руку мне на плечо. С каменным лицом я выдавливаю:

– Переживу.

– Ладно, в общем, пиши, если что.

Джеймс приподнимает телефон, пятится прочь от меня, потом наконец машет рукой, отворачивается и уходит.

Когда он оказывается далеко, я вкручиваю каблук в траву и каждый раз проворачиваю все сильнее. Мне плевать, насколько глубокая яма останется в газоне.

– Вайнона, – говорю я после нескольких минут кипения на медленном огне, – я думаю, что в редакции «Горна» так же полно сраной дискриминации по половому признаку, как и везде в мире.

Кивая, она надкусывает очередное луковое колечко и начинает сочувственно им хрустеть.

– Думаю, ты права.

Когда Вайнона уходит забирать брата из Академии св. Агаты, я отправляюсь в редакцию, чтобы поговорить с мистером Пауэллом. Я точно не знаю, что собираюсь сказать,

но, вероятно, что-то насчет «сраной дискриминации». Хотя, знаете, в каком-то смысле это помогает мне сделать вид, что я не тронулась умом.

Однако мистера Пауэлла в классе нет. Там вообще никого нет. Я вздыхаю, сбрасываю рюкзак на свою парту и подхожу к Стене редакторов. Я долго смотрю на портреты. Вот старый добрый Гарри в начале ряда, такой же, как и всегда, с большими очками, какие были в моде в восьмидесятых и сейчас опять стали популярны, и с прической на пробор, которая пока в моду не вошла. А в конце – Джеймс: смотрит искоса, но одновременно улыбается, показывая передние зубы. Мне кажется, что на портрете он как вылитый, но сам он жалуется, что глаза у него не становятся настолько узкими, когда он улыбается (на самом деле он неправ).

А теперь следующим будет портрет Лена. Он решил вбросить свою кандидатуру меньше чем за сутки, и никто его не спрашивает, действительно ли он готов к этой должности. Сегодня он вдруг решил быть обаятельным и дружелюбным, и хоть бы кто усомнился, что ему не плевать на газету.

А в то же время я, оказывается, лезу из кожи вон.

Что больше всего бесит, так это представление, будто Лен «больше похож на лидера», чем я. У меня столько же недостатков, как у всех, может, даже больше. Но что говорит в мою пользу (и кажется весомым аргументом в пользу того, что из меня выйдет лидер), это тот факт, что я и так тяну на себе целый сраный отдел. И чем это Лен подходит на долж-

ность главреда больше, чем сама ведущий редактор?

И тем не менее. Наверное, что-то в нем есть. Я знаю, потому что его чары почти подействовали и на меня, хотя я сердито пыталась их сбросить. Было что-то в его манере говорить, в его баритоне, который создавал ощущение, будто Лен обнял тебя за плечи, посмотрел в глаза и сказал: «У меня все под контролем» — даже при том, что ты знаешь: это не так. Его голос вызвал у меня доверие, несмотря на то что одновременно заставил сомневаться в самой себе. А что, если Лен *действительно* лучше? Почему он кажется лучше *без всяких усилий*?

Именно поэтому большинство членов редакции «Горна» выбрало его, несмотря ни на что. И именно поэтому Джеймс может быть напыщенным и придиричвым, а я не могу быть... такой, какая есть.

Потому что всем нравится девушка-начальник — ровно до тех пор, пока она не попытается указывать, что делать.

Мистер Пауэлл до сих пор не пришел, так что я возвращаюсь за свою парту и открываю ноутбук. К несчастью, он разрядился, и, естественно, в такой день я забыла шнур дома. Я осматриваю класс, ища, не оставил ли кто-нибудь провод, но через несколько минут тщетных поисков мне приходится довольствоваться горновским компьютером. «Может, — рассуждаю я, — пока я жду, стоит сделать домашку. Нет смысла тратить на эту печальную историю еще больше драгоценного времени. Правда ведь?»

Я выуживаю из папки вопросы для сочинения по углубленному курсу истории США. «Используя исторические факты, – говорится вначале, – докажите масштабность влияния научно-технических изменений на экономику США в период с 1950 по 2000 г.». Ладно, да, это я могу. С чувством вновь обретенной цели я открываю пустой документ на Гугл-диске и начинаю печатать:

«На экономику США в значительной мере повлияли технологические изменения во второй половине двадцатого века. Множество научных разработок...»

Боже, кого я обманываю? Я зажимаю кнопку «backspace», пока эта бесхребетная чушь не исчезает. Правда в том, что в данный момент я не могу сказать об экономике США ничего оригинального. Ни единого слова. Я могу думать только о том, насколько же меня бесит вся эта ситуация с Леном.

Так что я меняю тему, и тут же слова выплескиваются бурным потоком:

«Сегодня мне не досталась должность главного редактора «Горна». Одноклассники решили, что в следующем году ими будет руководить другой человек. И я бы не стала возражать, вот только это был вопиющий жест женоненавистничества, и я поражена, что в наш просвещенный век, в нашем якобы прогрессивном обществе приходится сталкиваться с подобным фактом. Да, друзья, демократия не защищена от сексизма.

Признаю: я не располагаю к себе людей. Я не ставлю себе такой цели. Кто-то может сказать (многие даже говорили), что я настоящая стерва. Другие говорили, что я «суровая», «холодная», «слишком критикую». Но при этом я наиболее компетентный кандидат на должность главного редактора в текущем году, и это неоспоримый факт.

К сожалению, факты, видимо, не являются для моих дорогих «горнистов» приоритетом. Нет, им неинтересно, сколько у кандидатки опыта, сколько часов она отдала работе на газету. Им неинтересно, сколько статей она написала, какие у нее конкретные планы. Нет, их легко очаровать патриархальными пережитками, обернутыми в дешевую сентиментальность.

Здесь мы подходим к теме избранного, Лена Димартайла, вышедшего в тираж звездного бейсболиста, превратившегося в репортера, единственный настоящий талант которого состоит в том, что он иногда может остроумно завернуть фразу. Но это не важно, потому что он высокий, у него темные волнистые волосы, а россыпь прыщей на скулах он демонстрирует так, как супермодель – толстые очки.

Что самое главное, он парень.

Вы все знаете, о чем я. Вот что происходит на любых выборах, хоть в Уиллоуби, хоть где-то еще. Девушка, которая стремится занять ведущий пост, должна быть умной, компетентной, усердной и прежде всего милой. Всеми этими качествами она обязана обладать, лишь

бы получить хоть какой-то шанс против оппонента-юноши. Притом ему зачастую достаточно хотя бы одного из перечисленных качеств, а иногда и одного не требуется. Парень, желающий стать лидером, должен просто постараться не слишком накосячить. Девушек судят по их прошлому, а парней – по их потенциалу.

Потому-то я, нынешний ведущий редактор «Горна», проиграла Димартайлу, чьи материалы я правила весь год. Потому что я «не слишком приятная». Потому что я «из кожи вон лезу». Потому что Лен в своей речи рассказал красивую историю, и этого было достаточно, чтобы, несмотря на его обычную сдержанность, убедить всех, что лидер из него выйдет лучше, чем из меня. Потому что он изобразил коммуникабельность, и это было воспринято как откровение, а не очковтирательство.

Я была лучшего мнения о моих досточтимых коллегах из «Горна». Но нет. Они...»

Дверь класса резко распахивается, и я разворачиваюсь, одновременно пытаюсь нашарить за спиной кнопку выключения компьютера. Я не заметила, что на сегодня занятия закончились и сотрудники «Горна» стекаются в редакцию. Хотя я почти уверена, что никто не видел мой текст, все равно охватывает жгучее желание убираться отсюда. Я решаю, что больше нельзя оттягивать разговор с мистером Пауэллом.

– О, Элайза! – Касси, как никогда не вовремя, загораживает мне путь к отступлению. Может, это только кажется, но, честное слово, по-моему, она включила жизнерадостность

на полную катушку исключительно ради меня. – Тебе же нужна фотография миз Веласкес, так? Какой-нибудь динамичный кадр в столовой или типа того?

– Э-э, ну да, – говорю я, – было бы хорошо.

– Так, а что насчет клуба ботаники?

Я пытаюсь вспомнить, что там с клубом ботаники.

– Ну, в общем, э-э, Джин Лим говорил, что у них есть какая-то местная засухоустойчивая трава, которую он предлагает посадить вокруг школы вместо импортной.

– А-а-а, точно. Ты говорила, будет здорово сделать слайд-шоу, так? С разными видами травы?

– Да, что-то такое. Слушай, вообще мне пора бежать, увидимся позже.

Я начинаю отступать к своей парте.

– Эм, ну ладно. Кстати. – Касси оглядывается по сторонам, потом произносит шепотом, совсем как утром: – Я не должна говорить тебе, кто победил на выборах, и я не буду, но я хотела, чтобы ты знала: я голосовала за тебя.

Я секунду смотрю на нее и моргаю, а потом наконец собираюсь с силами и произношу:

– Спасибо.

Она дружелюбно мне улыбается, а потом скачет прочь в своей обычной манере, точно кенгуру с болтающимся на шее огромным фотоаппаратом. Я собираю вещи, никому больше не говоря ни слова.

Мне неудобно, хотя коллеги не становятся в кружок и не

шепчутся обо мне. Но они знают и, что хуже, думают, что я не знаю. Не пойму, чем заполнено пространство между нами: удовлетворением или жалостью.

Только я выхожу за дверь, как чуть не сталкиваюсь с Лен-ном.

– Ох ты, – выдыхает он. – Экстренные новости?

– Нет, – рывкаю я, а потом втягиваю воздух сквозь зубы. – То есть извини, – говорю я уже спокойнее. – Я зазевалась.

– На тебя не похоже.

Я придерживаю дверь и, заглядывая в класс, вижу, что все пялятся на нас. Они отводят взгляд, когда понимают, что я заметила.

А что мне остается делать? Я указываю на вход в класс, будто вонючий швейцар, и Лен, секунду поколебавшись, заходит внутрь.

– Спасибо, – говорит он.

– Мне нетрудно, – отвечаю я и с треском захлопываю за ним дверь.

Джеймс рассылает объявление о победе Лена только в субботу, ближе к обеду.

«Извини, Цюань, – пишет он мне потом. – Рано или поздно я должен был сообщить.:(»

Как будто я просила его откладывать официальное заявление, растягивать мой ужас, как жвачку, прилипшую к подошве.

Я получаю его электронное письмо, стоя во флуоресцентном свете отдела морепродуктов во вьетнамском супермаркете «Вьет Хоа» в Маленьком Сайгоне. Звучащая на фоне музыка из современной вьетнамской оперы *cải lu'ò'ng* смешивается со звуками рыбного отдела: вот выплескивают из контейнеров воду, вот быстро отрезают плавники, вот соскребают чешую и смывают ее струей из шланга. Эта какофония, солоноватая и холодная, остается безучастной к моему огорчению.

«ВАШ НОВЫЙ ЛИДЕР», – гласит тема письма в привычной манере Джеймса, который выжимает максимум драматизма, даже если перед ним трагедия.

Я стираю сообщение, не открывая.

Ким, опершаяся о магазинную тележку и уткнувшись в телефон, еще не в курсе этого поворота событий. Как и мама, отрывающая розовый номерок от катушки «Пожалуйста,

возьмите талон». И мне хотелось бы оставить их в неведении.

Мы втроем часто заходим во «Вьет Хоа», потому что здесь маме нравится закупаться продуктами на неделю. На самом деле она предпочла бы китайский магазин, но вьетнамские ближе, плюс в них более приятные цены, а во «Вьет Хоа» вообще самые низкие. Некоторые ее подруги из материкового Китая за покупками ездят аж в долину Сан-Габриэль, но мама считает, что это пустая трата бензина. Ее корни *wàh kiuh* глубоки, но не настолько.

И хотя мы так часто бываем в этом супермаркете, мне иногда кажется, что мы здесь не совсем свои. Маленький Сайгон, охвативший несколько городов в самом сердце округа Ориндж, – наследство середины прошлого века, пригороды, оформленные по образу вьетнамско-американской мечты. Назвали это местечко в честь столицы бывшего Южного Вьетнама. Именно оттуда эмигрировало большинство жителей Маленького Сайгона (они представляли ту сторону конфликта, которую поддерживали США). Флаг Южного Вьетнама, желтый с тремя красными полосками, и сейчас гордо развевается над торговыми рядами и офисными зданиями Маленького Сайгона, символизируя все то, за что боролся юг. Но моя семья, как и многие этнические китайцы, просто оказалась в этом конфликте меж двух огней. Мы вообще жили в Северном Вьетнаме, а потом были вынуждены бежать. Скажу честно, нам особо не за что было бороться.

– Ты верила в коммунизм? – спросила я маму однажды.

– Нас заставляли учить его основы в школе, но мне они казались занудными.

– Значит, ты хотела, чтобы победили американцы?

– Нет, они сбрасывали на нас бомбы в Ханое, так что я хаяла Никсона, как и все остальные.

В целом мама полагает, что все войны бессмысленны.

– Возьми, к примеру, нас. После всех мучений мы оказались в Америке. Так всегда получается. Столько смертей и увечий, а потом президенты пожимают руки, и война окончена. Жизнь возвращается в свою колею. Поэтому единственное, о чем надо беспокоиться, это о том, чтобы у тебя всегда была тарелка риса.

Если бы у моей семьи был лозунг, он бы так и звучал. Главное, чтобы на столе было достаточно риса. Мне бы хотелось, чтобы нас заботило нечто большее, но, похоже, это волнует только меня.

– Дайте, пожалуйста, маленькую рыбу, – просит мама, показывая руками.

Она говорит по-английски, потому что за прилавком сегодня не вьетнамец и не китаец, а мексиканец. Вот в чем вся прелесть жизни в Южной Калифорнии. Мужчина хватает сачок, опускает в аквариум, где кишат живые тилапии, и вылавливает ни о чем не подозревающую рыбку, которая отправится домой вместе с нами. Он вытаскивает ее на воздух, и она начинает иступленно биться.

– Эта подойдет? – уточняет продавец у мамы.

– Да, – отвечает она, кивая.

– Пожарить?

– Нет, только почистить.

Над головой висит знак с картинками, на котором любезно показаны все услуги, предлагаемые рыбным отделом «Вьет Хоа». Первый вариант – просто очистить рыбу от чешуи, его мама выбирает чаще всего. Второй вариант – почистить и отрезать голову. Вариант три – все вышеперечисленное плюс отрезать хвост. Вариант четыре – обжарить во фритюре (видимо, в этом случае можно также выбрать, какие части отрезать). Именно благодаря последнему варианту воздух вокруг наполнен запахом только что пожаренной рыбы, и он очень даже вкусный – ровно до того момента, когда ты через много часов после посещения супермаркета почувешь этот запах, приняввшись к своей одежде.

Пока мама ждет, когда рыбу почистят, я решаю сделать быстрый пит-стоп в ряду закусок. Возможно, для того, чтобы избежать расспросов, отчего я такая хмурая, – а может, потому, что хочу отойти подальше от гор морепродуктов, наваленных так близко к покупателю, что можно заглянуть под водным обитателям в глаза. Сложно сказать.

Через пару минут я вновь возвращаюсь к тележке, и в руках у меня столько пакетов с луковыми колечками, что мы с Вайноной сможем кормиться ими неделю, – и, вопреки ожиданиям, у Ким ко мне только один вопрос:

– Вы до сих пор болеете этими колечками?

Она цапает один пакет из моих стратегических запасов и покачивает им в воздухе с гадливостью, какая обычно предназначается, скажем, умирающему головному моллюску.

Мама подходит ко мне сзади, неся нашу рыбу, завернутую в белую бумагу.

– Отстань от сестры. Это хорошо, что она любит перекусить, – говорит она. – Вы обе слишком тощие и должны больше есть.

Я умильно улыбаюсь Ким и сваливаю пакеты в тележку. Она возвращается к своему телефону, но секунду спустя, со скучающей искусностью игрока в покер, которому уже давно пришел выигрышный расклад, выстреливает вопросом (на кантонском диалекте, чтобы мама точно не пропустила):

– Слушай, я ведь так и не спросила, как прошли выборы в «Горне»?

Мама, которая вычеркивала покупки из списка, вновь сосредоточивает внимание на мне. Чтоб тебя, Ким.

– Да что там, – увиливаю я. – Были выборы.

– Значит, теперь все официально? Ты стала новым главредом? – уточняет Ким.

– Не совсем. – Я внимательно разглядываю наваленную рядом кучу маленьких синих крабов, медленно клацающих клешнями воздух. – Было одно... осложнение.

– Ты проиграла, хотя у тебя не было конкурентов? – злобно предполагает моя сестра.

– Нет, в том-то и состояло осложнение. – Один краб за-

брался на спину другому, и я смотрю, как он пытается ухватиться за край контейнера. Свобода так близка и в то же время так недостижима. — У меня вдруг появился конкурент.

— И теперь он будет главредом?

— Блестящая дедукция, Ким. Может, пойдем уже?

Сестра, довольная моим фиаско, толкает тележку вперед.

Но теперь в разговор вступает мама.

— Так кто победил? — спрашивает она по-кантонски.

— Ты его не знаешь, — отвечаю я.

— Как его зовут? — все равно настаивает она.

Я неразборчиво бормочу:

— Лен Димартайл.

— Хм. У белых такие имена — язык сломаешь, — замечает мама.

Мы дошли до ряда касс. Здесь полно людей, так что Ким пытается вырулить с тележкой к очереди, которая кажется покороче. Я делаю вид, что с интересом изучаю стенд со жвачкой «Марукава», и надеюсь, что мама больше не будет расспрашивать меня насчет Лена.

Но, судя по всему, она еще не закончила.

— Он очень одаренный? — спрашивает мама. — Талантливее тебя?

На вторую часть вопроса, типично мамскую, ответить невозможно.

— Не знаю, — говорю я наконец.

— Наверное, он очень способный, раз за него проголосовали.

вали, — замечает мама.

Я молчу, злобно зыркаю на Ким и передаю ей пакет мелкой китайской капусты со дна тележки. Она аккуратно кладет его на ленту, делая вид, что ни при чем.

— Ну, — продолжает мама, — ты не очень огорчайся. Твое дело — сделать все, что в твоих силах. За горами всегда будут новые горы.

Эту мудрость она произносит на мандаринском наречии: «*Yī shān hái yǒu yī shān gāo*».

Для мамы это на удивление разумная реакция на мое поражение, и я настолько поражена, что чуть не роняю картонный лоток с яйцами. И это говорит женщина, которая, как многие матери-китаянки, считает второе место в любом состязании моральным провалом. Я была уверена, что меня ждет нотация, но, кажется, в этот раз все-таки пронесло.

— Ага, — говорю я. — Наверное.

Мама оставляет тему и сосредоточивается на мониторе кассового аппарата, где отображается перечень наших товаров. С каждой новой позицией, которую пробивает кассирша, список ползет вверх. У кассирши, девушки с круглым лицом в обрамлении тоненьких детских волос, на груди бейджик с надписью «Здравствуйте, меня зовут ФУАНЬ». Перекрывая писк сканера, она обсуждает с юношей-упаковщиком, почему другая девушка по имени Тюэт сегодня не пришла на работу. Либо они не осознают, что мы понимаем повьетнамски, либо им все равно.

– Может, нашла себе парня, – предполагает упаковщик и лихо швыряет куски корня лотоса в экосумку, вызывая мамино неодобрение.

– Надеюсь, с американским гражданством! – Смеясь, Фуань качает головой и по памяти набирает код упаковки водяного шпината. – А я думаю, может, она уволилась. Она говорила, что хочет заниматься маникюром.

Парнишке, похоже, одна мысль об этом противна.

– Я бы лучше здесь работал, чем делал ногти кому попало. Особенно на ногах. – Его передергивает от отвращения. Он цапает водяной шпинат. – А ты как считаешь?

Фуань бросает беглый взгляд на пакет помидоров «Бычье сердце», толкает их упаковщику и снова вбивает код.

– *Anh o'i*, а ты думаешь, почему я до сих пор здесь?

Обращаясь к маме, она называет сумму на английском с заметным акцентом.

Мама расплатилась, но нам приходится ждать позади кассы, потому что она проверяет каждый пункт чека.

– Мы загородили проход, – говорит Ким, которая по-прежнему рулит тележкой.

– Нет, все нормально, давайте просто немного подвинемся. – Мама тащит нас в сторону, так что мы становимся почти вплитирку к стенду с DVD-дисками «Ночного Парижа». Одна из серий этого вьетнамского варьете как раз идет на маленьком зернистом плоском экране, и продавец дисков, старик во флисовом жилете, до этого момента его неотрыв-

но смотрел. Он, похоже, обескуражен нашим вторжением в его торговую точку.

— Эта кассирша больше болтала, чем делом занималась, — говорит мама. Видимо, интригующая история с исчезновением Тьюэт ее ни капли не заинтересовала. — Надо проверить, ничего ли она не напутала.

Мы с Ким обе съезживаемся. Ненависть к этому маминому ритуалу — один из немногих аспектов жизни, насчет которого мы сходимся во мнениях. Но бороться с этим бесполезно. С тех самых пор, когда одна невезучая кассирша случайно пробила яблоки «Гала» как «Фуджи», несправедливо обсчитав нас, мама уверена, что нечто подобное непременно повторится.

Хотя сегодня этот обряд бережливости кажется почти терпимым. Почему бы не потратить время на то, чтобы проявить бдительность? Почему бы не погрузиться в проверку с головой, вместо того чтобы отчитывать удрученную дочь?

Но позже, когда мы, загрузив все продукты в багажник, усаживаемся в машину и пристегиваем ремни, мама говорит:

— Элайза, я знаю, тебе не понравится то, что я скажу, но я не могу молчать, ведь я твоя мать.

За всю историю вселенной ни разу не было такого, чтобы за этой фразой следовало что-то приятное. Даже Ким, сторонний наблюдатель в этом разговоре, замирает на переднем сиденье, и ее большие пальцы неподвижно висят над экраном телефона.

– Ну ладно, – я стараюсь говорить как можно спокойнее. Мама сдает назад, выезжая с парковки.

– Просто, мне кажется, в следующий раз, когда тебе надо будет произнести речь или сделать что-то важное, тебе стоит одеться посимпатичнее.

Знаете, бывает, что какой-нибудь человек, обычно родитель, вбивает себе в голову: стоит тебе исправить один-единственный пунктик, и все проблемы улетучатся? Этот пунктик ничтожно мелкий и тривиальный, и никто в здравом уме в жизни не поверит, что именно он – причина всех твоих неудач, но тем не менее этот человек с завидной изобретательностью умудряется все сводить именно к этому.

И моя внешность – как раз мамин бзик.

Надо было просто кивнуть и сказать: «Ладно, мам, ты права. Меня не выбрали главным редактором исключительно из-за того, что я одеваюсь, как неряха».

К сожалению, вместо этого я ляпаю:

– Ты серьезно?!

– Да, я серьезно, – подтверждает мама, разворачиваясь и выезжая с парковки. Хотя она говорит сейчас на кантонском, слово «серьезно» она произносит по-английски. – Я попыталась намекнуть тебе вчера утром, но ты такая упрямая, и, сказать по правде, иногда у меня просто нет сил с тобой спорить.

– Честное слово, я уверена, что дело не в том, как я одеваюсь, – ворчу я не от того, что считаю ее неправой, а скорее

от страха, что, возможно, так и есть.

– Точно? Люди всегда судят по одежке. Например, когда они видят тебя в этом свитере, то думают, что он с чужого плеча. – Она говорит так, будто это что-то плохое. – Знаешь, тебе повезло, что твоя мать я, а не A Pòh. Когда я была маленькой, если мы выходили из дома одетые абы как, она нас била. И не важно, что мы были бедны. Мы должны были выглядеть прилично.

Ким поворачивается ко мне, и на лице ее читается одновременно «прости» и «я же говорила».

– Так ведь это A Pòh дала мне этот свитер, – напоминаю я.

– Aiyah, но только потому, что хотела сделать доброе дело. Она наверняка не знала, что ты будешь носить его на людях. Это мужской свитер. Даже A Gūng не захотел его брать, потому что ему он слишком велик.

Я вытягиваю рукава пресловутого свитера, полностью спрятав в них ладони. Мама терпеть не может этот жест, наверное, поскольку он подчеркивает тот факт, что на мне предмет одежды, который отказался носить мой дедушка.

– По крайней мере, его можно стирать в машинке, – говорю я.

– Жаль только, что он не сел, – вставляет Ким.

Мама игнорирует обе наши реплики.

– Я не говорю, что ты должна быть модной, ведь это только деньги на ветер. Но, по крайней мере, ты можешь выглядеть опрятно и нормально расчесываться. Я не хочу, чтобы люди

оскорбляли тебя и говорили, что ты росла без матери.

Прислонившись к стеклу, я смотрю сквозь полуопущенные веки, как мы проезжаем мимо большой площади с еще одним вьетнамским рынком; мимо закусочной, где подают очень даже вкусный суп фо; мимо лавки с сэндвичами, где можно купить три банх ми по цене двух.

– А еще я не понимаю, почему тебе нравятся такие мрачные цвета, – продолжает мама. – Они придают тебе болезненный вид. Совсем не делают тебя похожей на лидера.

Я наконец срываюсь:

– Тот парень тоже не был одет, как президент, ясно? На нем были толстовка и мятая рубашка.

– И что? – спрашивает мама после паузы, будто удивляясь, что ей приходится объяснять нечто настолько очевидное. – Он мальчик. Это другое дело.

Я скрючиваюсь на заднем сиденье и утыкаюсь лицом в предплечья, прячась за широкими складками своего возмущительного свитера.

– А давайте мы больше не будем об этом говорить?

Мама щелкает языком.

– Ты всегда так отвечаешь: давайте не будем говорить о том, давайте не будем говорить об этом, – упрекает она меня. – Я говорю как есть. Это моя ответственность – сказать тебе, даже если ты не хочешь слышать. – И тут же обращается к Ким: – Она так легко заводится.

– Вовсе нет, – приглушенно говорю я.

Слышу мамин вздох.

– *Bǎo bèi*, я знаю, ты умная девочка, – говорит она. Я убираю руки от лица, и мама смотрит на меня через зеркало заднего вида. – А если бы слушала меня, то была бы еще умнее.

Я снова закрываю лицо рукавами.

Утром в понедельник я задумчиво иду наискосок через школьный двор, рассеянно петляя между обеденными столами. В этот час в воздухе еще есть приятная прохлада, и я плотнее закутываюсь в кардиган. Я не застегиваю его, потому что тогда холодок будет проникать в пространство между полиэстером и телом. Впрочем, мне так нравится больше, потому что очень приятно прижимать кардиган к себе, словно в успокаивающих объятиях. Я думала, не устроить ли «Горну» бойкот – ну, знаете, явиться только для того, чтобы тут же театрально уйти в закат, может, даже потрясая большим плакатом с надписью «ДОЛОЙ ДИСКРИМИНАЦИЮ» или что-то в этом духе. Чтобы знали!

Вот только это не поможет. Я пришла к выводу, что мое присутствие в «Горне» вызовет у всех куда большие стыд и неловкость, чем внезапное отсутствие, и я решила, что так мне нравится гораздо больше.

Когда я подхожу к редакции, то ожидаю, что там никого не будет, потому как еще довольно рано. Однако Лен уже там, сидит по-турецки на своем обычном месте, а на столе мистера Пауэлла стоит чашка только что сваренного кофе. На кружке напечатана наша любимая цитата Оскара Уайльда (притом каждое слово окрашено в свой цвет радуги): «Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой».

Когда я вхожу, Лен и виду не подает, что меня заметил, и это хорошо. Я стараюсь отплатить ему тем же. Ноутбук, который парень поставил на колени, словно бы монополизирует его внимание, но когда я прохожу мимо, он откашливается.

– Здесь мы подходим к теме избранного, – начинает он, – Лена Димартайла, вышедшего в тираж бейсболиста, превратившегося в репортера, единственный настоящий талант которого состоит в том, что он иногда может остроумно завернуть фразу.

Я замираю, слыша эти знакомые слова.

– Что ты читаешь? – спрашиваю я, чувствуя, как горячая волна отчаяния накатывает на мои щеки.

– Но, – продолжает Лен, игнорируя вопрос, – это не важно, потому что он высокий, у него темные волнистые волосы, а россыпь прыщей на скулах он демонстрирует так, как супермодель толстые очки.

В этот момент Лен поднимает взгляд.

– Так, значит, – говорит он, – ты заметила мои прыщи?

– Что ты читаешь? – повторяю я с нарастающим ужасом.

– «Горн», – отвечает он и поворачивает экран ноутбука ко мне.

Я роняю рюкзак на пол и мчусь к компьютерам, расставленным в ряд вдоль стены. Лихорадочно открываю окно на одном из них и жду, пока оно загрузится. Потом браузер выдает мне жестокий ответ: появляется статья, которая точ-

но так же высветится на любом компьютере, где сайт «Горна» сделан домашней страницей (то есть на всех устройствах внутренней сети школы Уиллоуби – причем я сама этого добилась в девятом классе благодаря большим стараниям и предприимчивости).

ПАТРИАРХАТ ЖИВ!

Автор: Элайза Цюань

– Кто придумал название? – ошеломленно спрашиваю я.

– А что с ним не так? – уточняет Лен, как будто не понимает.

– Оно абсурдное и совершенно... напыщенное, – слабо говорю я.

– Вот как... – Лен возвращается к своему ноутбуку, многозначительно вскинув бровь.

– Клянусь, я это не публиковала, – уверяю я. – Я вообще не собиралась это никому показывать.

– Оно и видно.

Я съезжаю все ниже и ниже по стулу и вдруг замечаю то, что заставляет меня резко распрямиться. Кто-то – видимо, тот, кто это опубликовал, – добавил завершение, продолжив с того места, где я остановилась на середине фразы.

Я была лучшего мнения о своих досточтимых коллегах из «Горна». Но нет. Они никогда не отличались справедливостью. За три десятилетия существования этой газеты девушки занимали пост главного редактора всего семь раз. Это девятнадцать

процентов. Даже в Конгрессе сейчас процент женщин выше. Даже в Конгрессе, представляете?

Сегодня «Горн» мог бы сыграть свою небольшую роль в том, чтобы слегка сдвинуть чаши весов. Вместо этого редакция выбрала очередного представителя мужского пола на пост, который почти по всем критериям должен был достаться представительнице женского пола, куда больше заслуживающей этой должности. Я разочарована, я разгневана, я оскорблена – но, пожалуй, не удивлена.

– А это я вообще не писала... в смысле конец, – мямлю я, но мне все больше кажется, что я действительно могла бы так написать.

Лен пожимает плечами.

– Не знаю, звучит очень похоже на твой стиль, – говорит он. – Полно фактов.

На нем та же толстовка с капюшоном, что и на прошлой неделе, и сейчас он держит один из шнурков от капюшона во рту. Второй кончик тоже, видимо, страдает от этой неприятной привычки. Лен опускает взгляд на экран ноутбука, и я замечаю, что у него ресницы длиннее, чем у меня, и больше похожи на девчачьи.

Я колеблюсь, не зная, как ответить.

– Слушай, я не это хотела сказать. Когда писала. Ту часть, которую я и правда писала.

– О нет, ты хотела, – возражает Лен, едва я успеваю закончить фразу. Он что-то печатает, пальцы его так и мелькают

над клавиатурой. – Я бы не сказал, что это твоя лучшая работа, но никакой ошибки тут нет.

В этот момент входит мистер Пауэлл со стопкой экземпляров газеты.

– Цюань и Димартайл, – говорит он и смотрит на нас, лучась гордостью. – Два новых столпа «Горна».

Мистер Пауэлл приятный дядька. Он не такой уж старый, но я как-то подслушала фразу миз Норман (а вот она действительно ветхая), что мистер Пауэлл «одевается так, будто голосовал за Бобби Кеннеди в 1968 году». В ее устах это прозвучало как комплимент.

Я пытаюсь улыбнуться, но вместо этого у меня выходит какая-то гримаса. Мистер Пауэлл переводит взгляд с Лена на меня:

– Что-то не так?

– Элайза написала манифест, – будто бы походя говорит Лен, и я вдруг понимаю, что он тот еще фрукт.

– Мне нужно кое-что убрать с сайта «Горна», – говорю я.

Мистер Пауэлл прочитывает манифест, молча прокручивая его вниз, и его беспокойство все возрастает. Я наблюдаю за ним, и у меня появляется ощущение, будто я застряла в кошмарном сне, в одном из самых жутких, которые продолжают даже после того, как ты начинаешь что-то подозревать и спрашиваешь себя: «А может, я сплю?» Я множество раз в таких случаях убеждалась, что точно не сплю, а в итоге просыпалась в холодном поту, со стиснутыми кулаками и

чувствовала облегчение, что все-таки не пришла писать Академический оценочный тест для поступления в вуз, ничего не выучив.

– Ну, – произносит мистер Пауэлл, закончив читать, – похоже, нам есть о чем поговорить.

– Давайте начнем с того, что я не публиковала эту статью, – заявляю я.

Мистер Пауэлл секунду задумчиво смотрит на меня.

– Хорошо, – соглашается он, – тогда посмотрим, кто тогда это сделал.

Мы обнаруживаем, что манифест был опубликован в пятницу... мной. Вот же запись, в логах. Опубликовано equan в 15:17 по тихоокеанскому поясному времени.

– Что?! – восклицаю я. – Значит, кто-то влез в мой аккаунт.

Мистер Пауэлл, к его чести, очень правдоподобно изображает, будто верит, что я не совсем тронулась умом.

– Хорошо, – повторяет он, почесывая голову, – но эту статью написала ты?

Внутренне я проклиная свои слова, которые эпатажно маршируют по экрану без капли стыда, но отречься от них не могу.

– Ну... да...

– Только, судя по всему, не всю, – любезно подсказывает Лен.

– Кроме последних двух абзацев, – уточняю я.

– Ну ладно. – Мистер Пауэлл, похоже, считает, что это не слишком важная подробность. – Ты написала часть. Как другой человек мог получить доступ к твоим записям?

– Не знаю. – Я пытаюсь вспомнить тот день. – Ну, то есть я писала здесь. – От этого уточнения морщины на лице мистера Пауэлла становятся глубже. – Хотя это не проясняет дело, – признаю я. – Видимо, я забыла выйти из своего Гугл-диска. Я подумала, что перед уходом выключила компьютер, но, наверное, я слишком спешила.

Эта пугающая мысль поражает меня. Что *еще* мог тот человек найти в моих файлах?

– Я удивлен, что мне до сих пор не начали звонить по этому поводу, – размышляет вслух мистер Пауэлл, а я бросаюсь менять пароль. – Статья висит на сайте уже пару дней.

– Наверное, никто не читает «Горн» на выходных, – с надеждой говорю я.

– Какого хрена, Элайза? – раздается голос Джеймса со стороны двери. – Ну ты вообще безбашенная стерва!

Фу, как грубо. Ну, естественно, он-то видел статью. Хотя, скорее всего, совсем недавно, иначе я узнала бы о манифесте из кучи эмоциональных сообщений.

Джеймс врывается в класс и вываливает передо мной свои книги, ошетинившиеся клочками-закладками.

– Боже! – Он видит манифест на экране перед нами. – Вы утвердили этот текст? – спрашивает он у мистера Пауэлла, а тот деликатно отрицает это.

Джеймс выглядит огорченным. Я объясняю, что случилось.

– Какого?..

– Да, – перебиваю я, – так что давай скорее уберем статью с сайта?

– Погоди. – Джеймс выставляет вперед ладонь. – А ее точно надо убрать?

Лен, который почти весь разговор молчал, немедленно говорит:

– Да, обязательно надо убрать.

И одновременно я выпаливаю:

– Конечно, да, ты спятил?

– Ну, – рассуждает Джеймс, – вообще-то в качественной прессе не принято отзываться уже опубликованный материал.

– Не знаю, что скажут администрация и преподаватели, если мы оставим его на сайте, – говорит мистер Пауэлл.

– В любом случае, – вставляет Лен, – если уж мы говорим о правилах хорошего тона, такой материал надо было бы опубликовать в авторской колонке, а не на передовице.

– Да, но, возможно, это и нужно «Горну». Какая-нибудь дерзость. Какая-нибудь пощечина. Мы явно рискуем стать изданием, «поддерживающим руководство», если нам не позволено печатать такое. Я согласен не со всем, что говорит Элайза, но это... *это* мнение.

Я резко хлопаю ладонями по столу, так что все три моих собеседника вздрагивают.

– Я это написала... – восклицаю я, – я это написала для себя! Опубликовав эти записи, кто-то влез в мою личную жизнь, и так не должно быть. Меня взломали, и это не то же самое, что «меня опубликовали», ведь «меня опубликовали» подразумевает мое намерение публиковаться! И мое согласие. – Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, а потом продолжаю: – Все ваши аргументы здравые, но суть в том, что в этой ситуации они к делу не относятся.

Мистер Пауэлл, Лен и Джеймс секунду смотрят на меня непонимающим взглядом. Потом Джеймс снова обретает дар речи.

– Я просто сказал, – говорит он, – что это мнение.

Они предоставляют мне честь самой снять галочку в окошке «опубликовать», и стоит обновить браузер, как передовица «Горна» возвращается к обычному запрограммированному виду.

Ах, если бы и в жизни все было так просто. Едва я успеваю собраться с мыслями, как начинают подтягиваться остальные сотрудники редакции.

– Привет, – говорит Натали, останавливая взгляд на мне, но обращаясь к остальным. Она угрожающе потрясает своим телефоном. – Ребята, вы видели передовицу?

– Натали, убери, пожалуйста, телефон. – Мистер Пауэлл приглашает всех пройти в класс. – Давайте-ка мы все сядем.

Несколько минут спустя, когда большая часть сотрудников уже пришли, мистер Пауэлл становится перед классом и

упирает руки в бока.

– Ну что ж, ребята, – говорит он. – Кто-то из вас, наверное, видел материал, который был опубликован на сайте «Горна» без предварительного согласования. Мы убрали его, но я хочу подчеркнуть, что данный инцидент неприемлем сразу по нескольким причинам. Во-первых, как вы знаете, я жду, что все вы будете относиться к «Горну» как к официальному изданию, то есть всегда вести себя профессионально и по правилам журналистской этики. Процедура публикации материалов придумана не просто так, и все, что мы печатаем под заглавием «Горн», должно проходить все ее этапы. – Мистер Пауэлл делает паузу. – Да, Аарав.

Аарав опускает руку.

– Значит, Элайзу накажут?

Класс наполняется рассуждениями вполголоса. Я смотрю на Джеймса. Он качает головой, будто не может поверить, что такое происходит именно со мной. Лен тоже наблюдает за мной, но, когда я это замечаю, отводит взгляд.

– Твой вопрос подводит меня ко второму пункту, – продолжает мистер Пауэлл. – Элайза утверждает, что не выкладывала этот материал на сайт, и она имеет право на наше доверие, потому что все мы верим в невиновность человека, пока не доказано обратное. А значит, кто-то другой опубликовал написанный Элайзой файл без ее разрешения, что также противоречит политике «Горна». Да, Касси?

– А саму статью написала Элайза? – Голос Касси дрожит, и

я чувствую себя человеком, который получает удовольствие от убийства детенышей сумчатых животных.

– Вот что... – Мистер Пауэлл поправляет манжеты, прежде чем ответить. – Я знаю, что Элайза высказала некоторые спорные мнения, но надо учитывать, что они обнародованы слишком рано, да и вообще для этого не предназначались. Если кто-то хочет подробнее поговорить о проблемах, которые она затронула, можете приходить ко мне, и, возможно, мы организуем более широкое обсуждение. Но пока что я рекомендую вам уважать право Элайзы на личные данные и личное пространство в этой ситуации.

Иногда мне кажется, что мистер Пауэлл заслуживает бурных оваций.

– А теперь, может, вернемся к работе? – предлагает он.

У новостного отдела каждый понедельник проводится планерка, так что я бреду к составленным вместе партам, где собрались мои сотрудники. Они расположились передо мной, как самый враждебный в мире круг Сократа. Аарав, печатающий что-то на телефоне. Оливия, стучащая наманикюренными ногтями по парте. Натали, разглядывающая меня, точно букашку, крылышко которой она прищипила булавкой. И Лен, снова уставившийся в ноутбук и делающий вид, будто ничего необычного не происходит.

– Ну что, – говорю я, смотря в сводную таблицу, открытую на моем ноутбуке. – Есть что-то новое по вашим материалам?

– Вообще-то у меня вопрос. – Натали поднимает руку, но потом передумывает и вместо этого ловит прядку волос и начинает накручивать на палец.

Мы все смотрим на нее.

– Значит, ты и правда думаешь, что в «Горне» одни жено-ненавистники?

Мы с Ленем переглядываемся. События развиваются так быстро, что я даже понять ничего не успеваю. Я оглядываю класс, мое лицо превращается в гримасу «О боже, убейте меня прямо сейчас» – и один только Лен безмолвно отвечает мне: «Сочувствую, бро».

– Я такого не говорила.

По ощущениям, мои щеки приобрели оттенок лака на безымянном пальце левой руки Оливии.

– Ты подразумевала, что именно поэтому Лена выбрали на пост главного редактора вместо тебя. Разве нет?

Натали задает жесткие вопросы, прямо как хороший репортер. Я бы больше оценила ее хватку, если бы перекрестному допросу подвергнулся кто-то другой, а не я сама. Я решаю применить классический прием отражения атаки.

– Но ведь ты была на выборах, – безмятежно говорю я. – Может, скажешь нам, почему ты проголосовала за Лена?

– Слушайте, а может, не надо? – перебивает Лен с напускной беззаботностью, будто бросая пустяковую шутку, но я узнаю, что его кожа, оказывается, тоже может приобретать ярко-розовый цвет.

– Послушай, Элайза, – говорит мистер Пауэлл, проходя мимо. – Подойди на пару слов, когда будет минутка.

Я, смирившись, машу рукой на новостной отдел.

– Если ни у кого нет новых данных, то, пожалуй, можно закончить планерку, – заключаю я, и коллеги разбегаются, как кучка внезапно отпущенных заложников.

Я выхожу из класса следом за мистером Пауэллом. Он аккуратно закрывает за нами дверь.

– Как ты?

В голосе его звучит беспокойство.

– О, знаете, я и раньше никому из них не нравилась, а теперь я к тому же назвала их сборищем женоненавистников, так что теперь просто нравлюсь им меньше прежнего.

Смех мистера Пауэлла больше похож на вздох.

– Я подумал, может, ты хочешь поговорить о том, что написала, – говорит он. – Настоящий манифест получился.

Я провожу ногой вдоль трещинки на бетоне.

– Не знаю. – На секунду во мне вновь вскипает гнев. – Не поймите меня неправильно. Я считаю, что такой выбор отчасти точно связан с дискриминацией.

Вдруг мне представляется Лен, и я не могу понять, отчего мне так стыдно: то ли от того, что я отозвалась о нем как о «патриархальных пережитках, обернутых в дешевую сентиментальность», то ли от того, что я, по сути, сказала, что ему даже прыщи идут.

– О-о-о-ох. – Я прячу пальцы в рукавах свитера, прижи-

маю ладони к лицу и с нажимом провожу вниз по щекам. — Я просто хочу, чтобы все это закончилось.

Мистер Пауэлл ободряюще кивает.

— Жаль, что невозможно так просто выяснить, кто опубликовал твой материал, — говорит он. — Постарайся, пожалуйста, увидеть в этом плюсы: мне кажется, ты, сама того не желая, дала толчок серьезным дискуссиям среди педагогического состава, а это всегда хорошо. И по крайней мере мы сняли эту публикацию с сайта, так? Самое худшее позади.

Я позволяю себе немного расслабиться. Может, так оно и есть. Может, надо просто стараться смотреть на ситуацию со стороны, и тогда все как-нибудь придет в норму. Точно, обязательно придет в норму.

Вайнона тычет мне в лицо свой телефон.

– Это... что... такое?

На экране видео, сделанное с помощью «бумеранга»: я стою со скрещенными на груди руками и закатываю глаза. Вправо, потом обратно. Снова и снова. Если честно, я бы его скачала и использовала как личный мем, когда Ким будет слать мне тупые сообщения.

К сожалению, все остальное, что опубликовано в этом посте в соцсетях, нравится мне куда меньше. В Сеть выложили скриншоты сайта «Горна» со следующим доходчивым пояснением:

«@nattieweinberg: На случай, если вы это пропустили: @elizquan написала интереснейший «манифест», который был опубликован на первой странице «Горна», хотя его впоследствии убрали (см. скриншоты). В нем она обвинила сотрудников редакции в сексизме, потому что мы выбрали @lendimartile на пост главного редактора на следующий год. Не слишком ли драматично? Элайза заявляет, что не публиковала этот материал. Я что-то сомневаюсь. Но я – сторонник свободы слова.

Элайза может говорить что угодно – и мы тоже так можем. Что же, она просто не умеет проигрывать или в ее словах по поводу женоненавистничества есть

доля правды? Действительно ли в школе Уиллоуби существует дискриминация по половому признаку? Обсуждайте».

– И это серьезная журналистика? – плачусь я подруге.

– Полная херня! – объявляет она.

Мы идем к дому Вайноны с ее младшим братом Дагом, который все еще одет в кадетскую форму Академии св. Агаты.

– Вайнона, следи за выражениями, – говорит одиннадцатилетний Даг. Он еще не поддался подростковой тяге к сквернословию, которая однажды настигает всех нас.

– Полная херня-я-я-я-я-я-я, – отвечает ему Вайнона.

Семья Уилсонов живет в жилом комплексе под названием Палермо, который располагается в пешей доступности от школы Уиллоуби и Академии св. Агаты. Как и город на острове Сицилия, давший название этому району, Палермо обнесен по периметру кирпичными стенами. От оригинала он отличается довольно сильно: его извилистые улицы настолько широки, что на них можно припарковать в ряд четыре «BMW», тротуары девственно чисты, а газоны поистине роскошные (трава в пустынном климате просто не имеет права быть такой зеленой).

Сейчас мы идем по Палермской аллее, центральной улице района. Фасады всех домов, стоящих вдоль нее, выходят на другую сторону, так что здесь не на что смотреть, разве что на верхушки деревьев, растущих на задних дворах, да

на редкие баскетбольные кольца. Иногда здесь так тихо, что можно услышать бурление псевдоитальянского фонтана.

Однако сегодня тишина нарушена: мы с Вайноной кричим на весь район.

– Я бы ее убила. – Я дергаю за кончики волос. – Я даже не знаю, когда она ухитрилась снять это видео.

– Серьезно, это жесть, – соглашается подруга. – Что будешь делать?

– Без понятия, – отвечаю я. – Я сказала ей удалить этот пост, но что-то мне подсказывает, что она не послушается.

Хуже всего то, что к этому посту уже появилось стопятьсот комментариев, в основном от сотрудников «Горна», которые (что неудивительно) считают, что я берега попутала и похерила всю политкорректность.

«@livvynguyen: ОМГ, правда? Я была в шоке.

@heyitsaarav: Сорян, @elizquan, но ты вообще неадекват. Мы не сексисты.

@ocallahant: Ой, сенсация, сенсация: @lendimartile просто более подходящий кандидат. Не надо все на свете сводить к неравенству полов.

@auteurwinona: Давайте не будем называть девушку сумасшедшей только за то, что она высказала свое мнение? Это сексизм в чистом виде, если вы не заметили. И, кстати, с каких это пор публиковать чужой контент без разрешения считается крутым?»

– Старая добрая Вайнона, – говорю я. – Покажи им.

– Подруга, ты знаешь, я за тебя горой.

Потом мы поворачиваем на Терраццо Вэй, улицу, на которой живут Уилсоны, и Даг здоровается с соседкой, выгуливающей золотистого ретривера.

– Здравствуйте, миссис Сингх! А Сай уже дома?

– Скоро будет, Даг, – отвечает она и машет нам рукой. – Когда вернется, я сразу отправлю его к вам.

– Папа говорит, ему так нравятся маки, которые вы посадили, – докладывает Вайнона, кивая на цветочную феерию, которая недавно появилась на участке Сингхов на месте газона. Словно по команде, золотистый ретривер подходит к самому высокому растению и задирает заднюю лапу. – Они, кажется, довольно устойчивы к засухе?

Миссис Сингх останавливается, чтобы полюбоваться своим участком.

– Я их через Интернет заказала, представляешь?

– Не может быть! – Вайнона изображает предельно жизнерадостное удивление.

– Я отправлю название компании твоим родителям на электронную почту. Твоя мама просила.

– Круто, спасибо, миссис Сингх. Я уверена, она будет очень благодарна.

И на этой ноте Вайнона ловко закругляет разговор, одновременно направляя нас с Дагом по каменной тропинке к двери своего дома.

Уилсоны – единственная чернокожая семья на несколько кварталов, так что родители Вайноны всегда стараются дру-

желюбно общаться со всеми соседями. Подруга говорит, ее папа верит, что так Уилсонов будут считать своими в районе, где в основном проживают белые и азиаты. Мистер Уилсон, человек-колосс с широкими плечами и еще более широкой улыбкой, в студенчестве играл в футбол, а сейчас является вице-президентом компании по производству одежды – успешный человек, полагающий, что своими достижениями обязан богу, стране и безукоризненному соблюдению правил этикета. «Никогда не допускай, чтобы тебя заметили за чем-то неподобающим, – любит повторять он. – Не давай людям шанса тебя опустить».

Вайнона играет по отцовским правилам, но только пока.

– Я прекрасно понимаю, почему он так говорит, – часто объясняет подруга. – Но даже если он станет неофициальным мэром нашего усадебного царства, это не решит всех проблем.

Вайнона мечтает только об одном: снимать кино. После того самого проекта для урока испанского ее видеоролики стали приобретать известность в школе Уиллоуби. Почти все ее фильмы получили множество восторженных отзывов (кроме одной сатирической картины о людях, считающих изменения климата следствием заговора, – подруга до сих пор уверена, что эту ее работу зритель так и не понял). Ее нынешний проект, короткометражка с участием Дага и Сая, называется «Подъездные дорожки». Вайнона говорит, что это «размышление о двух мальчиках, об их дружбе и о том, ка-

ково это – быть цветными в белом пригороде». Она собирается с этим фильмом участвовать в Национальном фестивале юных кинематографистов – по сути, как она говорит, «это как фестиваль «Сандэнс», только для старшеклассников, так что да, это как бы серьезный конкурс».

В прошлом году ее заявку на участие в фестивале отклонили, и я знаю, что это сильно ее задело. Тот фильм был вроде как эксперимент. Вместо того чтобы рассуждать на темы социальной справедливости, как она обычно делает, Вайнона решила рассказать полуавтобиографическую историю о кукле, которую много лет назад подарила ей бабушка. Однако в ответ на этот фильм ей написали, что он «очаровательный, но можно было затронуть более значительные темы». Я не уверена, что рецензент во всем прав, но этот комментарий, похоже, до сих пор сидит в голове у Вайноны, хотя она и утверждает, что она не из тех творцов, кто будет плакать из-за критики. С тех пор подруга долго пыталась найти идею, которая покажется достаточно серьезной и сможет бороться за первенство в этом году, и только в прошлом месяце придумала «Подъездные дорожки». Однако она убеждена, что с этим фильмом победит – это на данный момент самая значимая ее работа.

Вот почему в оставшиеся три недели мы будем трудиться изо всех сил, чтобы отполировать «Подъездные дорожки» до блеска. Я в этом проекте продюсер, а так как это фильм моей лучшей подруги, я к тому же редактор сценария, асси-

стент режиссера, «подай-принеси», оператор микрофонного журавля и много кто еще. Мы небольшая команда, но отлично справляемся.

– Привет, Дымка!

Даг наклоняется, чтобы обнять питомицу Уилсонов – серо-голубую собаку, помесь фландрского бувье и шнауцера. Она вышла нас встретить, виляя хвостом. Дымка – это первый фландрский бувье и первый шнауцер, что я встречала, а еще самая умная из знакомых мне собак. У нее удивительно притягательный характер, а поклонников у Дымки столько, сколько мне за всю жизнь не скопить.

– Кстати, я тебе рассказала, что сегодня со мной говорила Серена Хванбо? – спрашивает Вайнона, а я опускаюсь на ковер с коротким ворсом, чтобы погладить Дымку.

– Правда?

Серена, президент десятого класса, одна из самых популярных девочек в школе, которая добилась такого высокого статуса в основном благодаря тому, что встречалась с целым рядом самых знаменитых парней Уиллоуби (на данный момент это Джейсон Ли, одиннадцатиклассник из бейсбольной команды). А еще благодаря тому, что она кореянка, то есть представительница самой многочисленной (а значит, самой крутой) азиатской демографической группы среди учащихся школы. А еще она «милая», что Вайнона всегда расценивала как молчаливое согласие с патриархатом. «Она так часто улыбается, что ей никто не скажет: «Тебе нужно чаще улы-

баться».

Судя по всему, у Серены хватило наглости попросить Вайнону об одолжении.

– Она спросила, хочу ли я сделать рекламное видео для выпускного бала, – сказала подруга, и голос ее звучал так, будто ей предложили раздавить тараканье гнездо.

– А ты будешь его снимать?

– Не знаю. – Она пожимает плечами. Мы проносимся вверх по винтовой лестнице, ведущей в комнату Вайноны. – Я тут пытаюсь творить искусство, а она хочет, чтобы я сняла шикарную рекламу? – Ее губы сжимаются в тонкую линию. – А еще тема бала «Девушка в розовом», и я против по философским убеждениям.

– Против темы или против самого бала?

Она швыряет рюкзак на пол и на секунду задумывается.

– И того, и того. Но в первую очередь я говорила о теме.

– Потому что ты против Джона Хьюза?

– Против ли я человека, который при всем своем даре тонко документировать жизнь подростков, скорее всего, по натуре был сексистом, расистом и гомофобом? Естественно, я против. – Вайнона перекладывает стопку одежды со стула на кровать. – Но, скорее всего, я слишком хорошо о ней думаю. Наверняка Серена и не знает, кто такой Джон Хьюз. Может, ей просто нравится розовый.

– Да ты что! Как это можно не знать!

Подруга фыркает:

– А ты с ней общалась?

Теперь она начинает рыться в бардаке на столе. Она аккуратно ставит на полку книгу Полин Каел с рецензиями на фильмы, а вот почти все остальные ее находки оказываются на полу. Пластиковый пакет из-под мини-морковок отправляется в мусорку, но только после того, как последний вялый овощ достается довольной Дымке, которая поднялась в комнату вслед за нами.

– Вот он. – Вайнона победно потрясает потрепанными листками сценария. – Я сделала кое-какие заметки после наших предыдущих дублей.

Двадцать минут спустя мы снимаем на тротуаре перед домом Уилсонов. Сай, круглолицый мальчишка с густыми волосами, вихрящимися на затылке, стоит перед Дагом. Они играют в игру, где надо успеть шлепнуть соперника по ладоням. Вайнона со своей камерой скрючилась рядом с мальчиками, а я держу над их головами направленный микрофон на штативе.

Сай и Даг напряженно глядят на свои руки, как велела им Вайнона. Ладони Сая смотрят вверх, а ладони Дага, лежащие на них, повернуты вниз. Когда руки Сая начинают дрожать, Даг резко убирает свои ладони. Потом так же быстро он кладет их обратно, и так далее.

Солнце сияет над нашими головами, и на лбу у Дага поблескивает тонкая пленка пота. Сай чуть подается вперед, лицо его невозмутимо. Ладони его совершенно неподвижны.

И тут – ХЛОП! Он атакует и успевает шлепнуть Дага по рукам.

– Твою мать, Сай!

Подруга отрывает камеру от лица, что я расцениваю как знак опустить микрофон. Так тяжело таскать эту штуку!

– Вайнона, следи за выражениями, – говорит Даг.

Она его игнорирует.

– Сай, ты не должен успеть! Мы же это обсуждали.

Сай улыбается так, словно только что запихнул в рот тонну конфет.

– Я знаю, но ничего не могу с собой поделать.

Вайнона поворачивается к Дагу:

– И вообще, почему ты так отстойно играешь? Я что, ничему тебя не научила?

Я прерываю начинающуюся перепалку, выставляя между ними микрофон.

– А может, просто попробуем еще раз?

Мы снова становимся по местам и начинаем сначала. И опять Сай и Даг таращатся на свои руки. И опять Вайнона наводит на них камеру. И тут, как раз в тот момент, когда Сай собирается сделать свой ход, у меня гудит телефон. Все сосредоточивают внимание на мне.

– Твою мать, Элайза! – возмущается Вайнона.

– Следи... – начинает Даг.

– Твою мать, Даг!

– Прости, мой косяк.

Я вытаскиваю телефон из кармана будто бы для того, чтобы выключить звук, но вместо этого невольно читаю уведомление.

— А ну дай сюда! — Вайнона выхватывает мобильник из моих пальцев и, чеканя шаг, идет к дому. — Я ввожу новое правило: никаких гаджетов на съемочной площадке. — Она заскакивает в дом и вновь появляется через несколько секунд уже с пустыми руками. — Давайте сосредоточимся, хорошо?

Кивая, я поднимаю микрофон в воздух, и мы становимся по местам. Из окна доносится слабое жужжание. И еще одно. И еще.

Я беспокоюсь, борюсь с порывом помчаться вверх по ступеням, но Вайнона грозит мне пальцем.

— Не-а, Элайза, — предупреждает она. — Даже не думай.

Забавный факт о комментариях в соцсетях: если даже ты о них на какое-то время забудешь, люди все равно не перестанут их постить.

К следующему утру публикация Натали, к моему ужасу, совершенно завирусилась по меркам Уиллоуби. Я уверена, что за эти сутки манифест читали чаще, чем все материалы, написанные мной за три года работы в «Горне», вместе взятые. Я даже не знакома со всеми авторами комментариев, но они явно думают, что всё обо мне знают. И большинство явно не на моей стороне.

«**@joeschmoez01:** Бедный пацан. Эта сука НАКИНУЛАСЬ на него безо всякой причины.

@gracenluv: О чем она вообще говорит? Какой в нашей школе может быть сексизм? Президент десятого класса – девушка!

@walkerboynt: Да, только когда у нас в школе был президентом черный или латинос? #настоящийвопрос».

Время от времени кто-то бросает мне подачку, соглашаясь с некоторыми доводами, но при этом считая, что в целом я заблуждаюсь.

«**@hannale02:** Я понимаю, что она хочет сказать, но ВСЕМ плевать, кто будет во главе «Горна». Может, ей

стоит поднимать такой шум из-за чего-то действительно важного?

@lacampnaaaa: Ладно, но женщины на лидерских позициях – этого мало. ВСЮ СИСТЕМУ надо полностью переделать».

А еще много комментариев по поводу моей внешности, которая, видимо, все-таки имеет значение.

«**@getitriteyo:** Ей бы стрижку нормальную.

@notyourlilsis: Девочка, надо следить за собой. Этот свитер совсем тебя не красит.

@andmanymore502: Для азиатки она симпатичная, но задницы почти нет».

Что самое унижительное – так это абсурдные выдумки о нашем с Леном неудавшемся романе.

«**@benimator:** Он что, стал с другой соской спать или что? У нее реально бомбит.

@socalsurf18: Наверняка он ее бросил. У нее просто недотрах.

@78coffeeabs: Чуваки, ясен пень, что он сбежал. Она не настолько секси, чтобы ее шизу терпеть».

Когда звенит звонок на обеденный перерыв, я поплотнее закутываюсь в свитер и иду к своему шкафчику, опустив голову и приклеившись взглядом к экрану телефона. Со всех сторон ученики гурьбой вырываются из классов и снуют по школьному двору кто куда, но я не обращаю на них внимания. Хотя я понимаю, что лучше бы мне это не читать, я ма-

никакально просматриваю самые свежие комментарии. Каждый из них предельно банален, но ранит, как нож. Я настолько погрузилась в онлайн-потрошение моей скромной персоны, что чуть не налетела на людей, общающихся на похожую тему в реале.

– Я всегда знала, что Элайза лютая, но этот манифест прямо перебор, как ты думаешь?

Я узнаю голос Натали, доносящийся из-за угла, и замираю на месте. Мой шкафчик всего в паре шагов, но это расстояние приблизит меня к тому месту, откуда, судя по всему, исходит голос Натали, – а у меня, несмотря на все факты, говорящие об обратном, еще осталось некое подобие инстинкта самосохранения. Я уже готова смыться, но тут я узнаю второй голос.

– Да, она бывает немного... нервной, – говорит Лен. От этой колкости я вся начинаю краснеть, от пальцев ног и до лица.

Внезапно я понимаю, что не буду убегать. Вместо этого я решительно шагаю к своему шкафчику, а Натали, приближаясь, продолжает:

– Честное слово, я рада, что в следующем году главным редактором будешь ты. Пора уже что-то менять. А ты видел, как мистер Пауэлл спустил ей все с рук?.. Это как понимать?

Я твержу себе, что просто открою шкафчик, возьму пакет с едой, закрою шкафчик и буду вести себя так, словно не слышала ни слова из их разговора. Просто открою шкафчик,

возьму пакет с едой...

– Что за хрень? – вырывается у меня помимо воли.

Я таращусь на дверцу шкафчика, украшенную одним-единственным словом, которое кто-то только что криво вывел перманентным маркером. ФЕМИ-НАЦИСТКА. Ну, конечно, высказаться против сексизма – это то же самое, что поддерживать политический строй, в системе которого совершались самые ужасные жестокости в истории человечества. Просто бред.

Я осматриваюсь, ища виновника, но вижу только Натали и Лена, выходящих из-за угла. Они оба не ожидали увидеть меня. Натали первая приходит в себя.

– Поговорим позже, – бросает она Лену. А потом, обращаясь ко мне, добавляет: – Привет, Элайза, – и резко ретируется.

Я тянусь к своему кодовому замку, думая, что если буду подольше с ним возиться, то Лен просто пройдет мимо, и эта неловкая минута останется в прошлом. Но как только я касаюсь замка, он со щелчком открывается, притом что я даже не успела ввести код. Я мгновенно начинаю подозревать недоброе, потому что замок так работать не должен. Я медленно поворачиваю ручку и приоткрываю дверцу.

И взвизгиваю, потому что на меня обрушивается и раскалывается по бетонному полу лавина тампонов.

– Что за хрень?

Я неловко делаю шаг назад. К несчастью, именно в этот

момент Лен находится точно позади меня и не успевает среагировать. Он получает в бок моим исполинским рюкзаком с двумя отделениями, вечной броней, защищающей от холодности окружающих, усиленной, как и обычно, огромной стопкой тяжелых учебников.

– Боже, ты что там таскаешь? – говорит Лен. Он рефлексивно потирает ушибленную руку, а я вся замираю от стыда.

– Книги, – выдавливаю я, а щеки у меня начинают гореть так сильно – я даже не подозревала, что такое возможно. – Я не...

Я помимо воли начинаю водить руками, указывая на тампоны, валяющиеся на полу, как будто они могут дать разумное объяснение тому, что сейчас произошло, но тут же одергиваю себя, осознав: мои жесты привлекают внимание парня к тому, что под ногами валяется куча тампонов. На первый взгляд моих.

Лен реагирует логично, но необдуманно: наклоняется, чтобы помочь мне собрать тампоны, подкатившиеся к нему. И тут он осознает, что именно перед ним.

– Погоди, это что?..

– Да, – говорю я, к этому моменту уже не испытывая ни одной эмоции. – Это тампоны.

Я опускаюсь на четвереньки и сгребая как можно больше.

– А тебе точно хватит?

Я выстреливаю в него убийственным безмолвным взглядом, потом снова принимаюсь яростно сгребать тампоны.

Лен разглядывает надпись «ФЕМИ-НАЦИСТКА» на дверце моего шкафчика.

– Э-э, может, тебе помочь?

– Нет, спасибо. – Я встаю и пытаюсь запихнуть полные горсти тампонов обратно. – Ты мне ничем не поможешь. Говорят, я слишком нервная.

Щеки у Лена розовеют, но в остальном он сохраняет невозмутимый вид.

– А какая тебе разница, что говорит вышедший в тираж звездный бейсболист? – парирует он, протягивая мне тампоны, которые собрал. Я открываю рот, чтобы ответить, но не нахожу слов. Он иронично ухмыляется и уходит.

У меня возникает странный порыв догнать его, схватить за руку и сказать: «Слушай, я не это имела в виду. Ничего нет плохого в том, что ты вышел в тираж. Мне звездные бейсболисты вообще не нравятся».

Но эта попытка оправдаться выглядит идиотской даже в моей фантазии, так что я ничего не говорю. Вместо этого я просто стою на месте, наблюдая, как от его размашистого шага из-под штанин нет-нет да и выглядывают белые носки на щиколотках.

Я вздыхаю и наклоняюсь, чтобы собрать оставшиеся тампоны. Не представляю, что с ними делать, потому что я тампонами *вообще не пользуюсь*. Выкидывать как-то неправильно, но не могу же я оставить их в своем шкафчике навсегда? Я решаю сложить их все в рюкзак. Может, положу их в жен-

ских туалетах?

Я захлопываю дверцу шкафчика, и корявая надпись «ФЕ-МИ-НАЦИСТКА» бросается в глаза. Пытаюсь оттереть ее рукавом кардигана, но она не счищается. Ни капельки. Я достаю телефон и начинаю гуглить «как стереть маркер с металлического шкафчика», и тут до меня доходит абсурдность всей этой ситуации. Но попытка игнорировать ее ни к чему не привела, а если я буду огрызаться в ответ, то буду выглядеть еще более истеричной самкой.

И тут я, стоя с полным рюкзаком тампонов, вдруг соображаю, что надо делать.

Вайнона смотрит на мою идею скептически.

– Ну не знаю.

– Так я снова возьму ситуацию в свои руки, – заверяю я. – Говорю тебе, это гениальный ход, потому что никто этого не ожидает. Если люди поливают тебя дерьмом, они не ждут, что ты с ними согласишься. Это точно их усмирит.

Мы с подругой находимся в актовом зале, из которого ровно в восемь часов ведется прямая трансляция утренних объявлений. Я ускользаю из редакции «Горна» на десять минут раньше положенного и присоединяюсь к Вайноне, которая сегодня работает оператором. Она неохотно согласилась мне помочь.

– Круто, конечно, что ты свои планы называешь гениальными, но сомневаюсь, что после этого люди перестанут обзывать тебя феми-нацисткой, – говорит она, поправляя штатив. – Скорее, наоборот, все станет только хуже.

– Да, но это будет не важно, потому что их оскорбления будут заслуженными, – объясняю я. – Пусть себе продолжают, хуже, когда обзывают ни за что.

– Интересная философия оскорблений, – замечает Вайнона.

Сегодня объявления зачитывают Серена Хванбо и Филип Мендоса, школьный казначей. Чтобы быть диктором школь-

ного ТВ, необязательно состоять в совете, но список наших лидеров и состав учащихся Уиллоуби, считающих, что они хорошо смотрятся в кадре, в значительной степени дублируют друг друга.

– Привет, Элайза, – говорит Серена тоном, который передает сомнение в необходимости моего присутствия здесь и одновременно теплую доброжелательность. Она сверкает улыбкой на целый мегаватт. Боже, у этой девчонки первоклассный ортодонт.

– Привет, – говорю я и ограничиваюсь. Я не собираюсь объясняться перед Сереной Хванбо, но этого и не требуется, потому что через полсекунды она теряет ко мне всякий интерес.

– Ладно, все по местам, – командует Вайнона, становясь к камере. Она любит произносить фразы, создающие впечатление, будто она настоящий режиссер. – Пять, четыре, три...

Последние две цифры она не произносит, а показывает на пальцах – и вот пошел прямой эфир.

– Привет, «Стражи»! – говорит Серена. – С вами Серена Хванбо...

– И Филип Мендоса.

– Просим встать для принесения Клятвы верности.

Я отключаюсь от объявления сегодняшнего меню в столовой, напоминаниях о датах близящихся академических оценочных тестов и прочего занудства, на фоне которого я обычно впопыхах пытаюсь повторить что-нибудь по предме-

ту. Интересно, мистер Пхам, к которому я иду на первый урок (продвинутый курс химии), отметит мое опоздание?

Вайнона тычет меня в бок. «Приготовься», – говорит она одними губами. Я становлюсь перед темно-коричневым занавесом, установленным сбоку от стола, за которым сидят Серена и Филип.

– А теперь переходим к нашей сегодняшней особой госте, – говорит Мендоса.

Обычно эта рубрика утренних объявлений отводится для таких личностей, как, например, капитан баскетбольной команды, призывающий учащихся прийти на игру в стенах школы, или президент «Закрытого клуба», убеждающий жертвовать консервированные продукты в помощь нуждающимся. Застолбить время в эфире несложно, но нужно заранее подать заявку, которую должна одобрить миз Гринберг, консультант по профессиональному обучению, заведующая всеми объявлениями.

Однако сегодня особая гостя – это я, без всяких заявок. Вайнона, как настоящая подруга, просто пропустила меня в эфир, никого не спрашивая.

Она разворачивает камеру на меня. Сейчас или никогда.

– Спасибо, Филип, – говорю я, как будто все согласовано. – Я Элайза Цюань, ведущий редактор «Горна». Большинство из вас, наверное, слышало обо мне, потому что я написала манифест. Ну, знаете, тот самый, насчет сексизма и дискриминации в «Горне». Который привлек *столько* вни-

мания.

Миз Гринберг с обескураженным видом отрывается от компьютера и встает из-за стола. Я понимаю, что у меня примерно шестьдесят секунд, а потом ее растерянность превратится в неодобрение и она попытается прекратить мое выступление в эфире.

– Во-первых, – продолжаю я, – для информации: этот манифест не предназначался к публикации. Кто-то его выложил, не спросив меня. Так что я прошу прощения за мои высказывания, которые могли быть неправильно восприняты как нападение на отдельного человека. Однако я не отказываюсь от своего наблюдения, что в школе Уиллоуби, вопреки заявлениям некоторых, существует дух сексизма.

Миз Гринберг принимается делать знаки Вайноне, а та отважно пытается прикинуться, будто не понимает, в чем проблема. Подруга прикладывает палец к губам и показывает на меня, будто бы говоря: «Сейчас не могу, идет съемка!»

– Все мы знаем, что две самые старые (и кто-то может сказать, самые авторитетные) организации учащихся в нашей школе – это Ученический совет Уиллоуби и «Горн Уиллоуби». Большинство наших выпускников, которые впоследствии поступали в вузы Лиги Плюща и другие элитные университеты, обязательно состояли в одной из этих организаций. Но знаете ли вы, что в обеих этих организациях девочек крайне редко выбирают на главные посты?

Весь вчерашний день после занятий я провела в школь-

ной библиотеке, изучала старые ежегодники со сводной таблицей и в результате раскопала кое-какие очень интересные цифры.

– У Ученического совета статистика еще хуже, чем у «Горна»: почти за сорок лет его существования, в течение которых среди учащихся девочки составляли не меньше половины, на пост президента школы девочки избирались всего пять раз. Конечно, девушек выбирают старостами, казначеями и вице-президентами, а в «Горне» бывают девушки – начальники отделов и даже девушки в должности ведущего редактора. – Я скрешиваю руки на груди. – Но какая разница, если *высшие* позиции безоговорочно и упорно остаются в руках представителей мужского пола?

Я бросаю взгляд на миз Гринберг, которая прекратила попытки вмешаться и сейчас просто стоит и слушает. Пора бросить перчатку.

– Поэтому сегодня я хочу сделать следующий логичный шаг после моего манифеста, – заявляю я. – Я бросаю вызов всей школе: будет ли следующий год первым в истории Уиллоуби, когда на оба высших поста – президента и главного редактора – изберутся девушки? А это значит, что я призываю каждую девушку, подходящую по требованиям, в следующем месяце выдвинуть в Ученическом совете свою кандидатуру на выборы школьного президента. – Тут я смотрю точно в объектив камеры. – И еще это значит, что я призываю Лена Димартайла отказаться от поста главного редакто-

ра в следующем году.

Я поднимаю рюкзак, расстегиваю большое отделение и достаю гигантский значок с надписью «Я ЗА ФЕМИНИЗМ». Вчера вечером я сделала пару десятков таких, взяв пустые пластиковые бейджи, в которые вставляется кусочек бумаги. Я оставила миску с такими значками в женской раздевалке и написала табличку: «Возьми себе такой, если веришь в равноправие полов».

Теперь я прикрепляю значок к блузке.

– Кто-то может думать, что после всего этого я – «феминистка», но на самом деле я просто феминистка. – Моя улыбка в этот момент может поспорить с улыбкой Серены. – И в следующий раз, когда вам в голову взбредет забить мой шкафчик средствами женской гигиены, – я беру рюкзак за бока обеими руками, – сделайте одолжение, пусть это будут прокладки. – Я вытряхиваю тампоны на пол. – Тампоны мне никогда не нравились.

С этими словами я выхожу из кадра.

Вайнона снова направляет камеру на Серену и Филипа, но они оба повернули головы и таращатся на меня. Подруга машет им, и Серена реагирует первая.

– На этом у нас все, – говорит она, смеясь, словно не совсем понимает, что сейчас произошло. Тем не менее она умудряется не забыть прощальную фразу: – Хорошего утра и удачи!

Доктор Гуинн, лысеющий, с грушеобразной фигурой, откидывается на спинку кресла и улыбается мне. Я всегда считала, что он нормальный дядька, но сейчас, когда в уголках его глаз собираются морщинки, я задумываюсь, может, Вайнона права и за этими очками Санта-Клауса нет ни одной добродушной искорки? В них, скорее, нечто более зловещее. Вроде недоброго отблеска.

– Как твои дела, Элайза? – спрашивает он.

Я, так и не сняв рюкзак, сижу на краешке стула, какие стоят во всех учреждениях района, словно бы в уверенности, что администратор миз Уайлдер вот-вот заглянет и извинится за досадную ошибку. Скажет, что доктор Гуинн совсем не меня хотел видеть, а какую-то другую Элайзу Цюань – ту, которая выкидывает настолько возмутительные фокусы, что ее приходится вызывать к директору.

– Я в порядке, – отвечаю я. – А как вы поживаете?

Доктор Гуинн распрямляется, ставит локти на стол, сложив ладони вместе.

– Если честно, моя дорогая, я немного удивлен. Раньше это ты договаривалась о встречах со мной.

За эти годы я много раз брала интервью у доктора Гуинна для «Горна», и, надо сказать, этот стул никогда не казался мне таким неудобным, как в эту минуту.

– Ну, видимо, сегодня вопросы будете задавать вы, – бодро говорю я.

– Это верно, – со смешком отвечает доктор Гуинн. – Это верно. – Он снова отклоняется назад, разглаживает галстук с принтом из диких уток. – Ну что ж, тогда начнем без предисловий? Ты знаешь, почему я пригласил тебя сюда сегодня?

Я смотрю на небольшой поднос с ирисками, который всегда стоит у доктора Гуинна на краю стола. Я думаю, не взять ли одну, но решаю, что не стоит.

– Из-за моего несогласованного утреннего объявления?

Доктор Гуинн снова улыбается.

– Я не собираюсь делать тебе выговор, Элайза. Я просто хочу кое-что обсудить. – Он стучит пальцами по подлокотникам. – Ты подняла очень интересные вопросы насчет равноправия полов и главных постов для учащихся в Уиллоуби как в своем сочинении (или, кажется, ты его называешь манифестом), так и в объявлении этим утром. Что касается приведенных тобой цифр, видно, нам действительно еще есть над чем работать.

Я внутренне собираюсь, потому что это явно не все, что он хочет сказать.

– И, безусловно, как педагог, я всегда стараюсь способствовать тому, чтобы учащиеся мыслили критически и выражали собственное мнение, что ты как раз и сделала. Однако... – Директор скрещивает руки на груди, и я замечаю, что кожаные вставки у него на локтях истончились после дол-

гих лет подобного жеста. — Моя обязанность также состоит в том, чтобы четко дать учащимся понять, что для выражения разумного несогласия есть особо отведенное время и место. И, к сожалению, Элайза, утренние объявления, которые были использованы в личных целях, для этого совершенно не подходят.

Тут он открывает ящик стола и достает бейдж «Я ЗА ФЕМИНИЗМ», точно такой же, как у меня на груди. Видимо, директор попросил кого-то принести ему значок из женской раздевалки.

— Я вижу, вы верите в равноправие полов, — замечаю я.

Мистер Гуинн усмехается.

— Да, верю, — говорит он, кладя бейдж передо мной, — и очень искренне. Я только хочу предположить, что, возможно, твоему делу пойдет на пользу менее враждебный подход?

Я изучаю бейджик, который лежит передо мной, как привлеченный к суду преступник.

— Быть феминисткой значит проявлять враждебность?

Доктор Гуинн опускает ладони на стол.

— В наше время так много конфликтов, Элайза. По любому вопросу защитники каждой из сторон все глубже уходят в оборону, так что возможности для примирения почти или совсем не остается. Иногда я тревожусь, что такая тенденция оказывает пагубное влияние на молодежь. — Он и правда выглядит огорченным. — Видишь ли, я надеюсь, что ваше поколение станет авангардом новой культуры учтивости и ком-

промисса. На самом деле я считаю, что это моя обязанность – постараться, чтобы так и произошло.

– Понятно, – говорю я, не зная, что еще на это ответить.

– Так что, нет, моя дорогая, феминизм как таковой не подразумевает враждебности. Вот только постарайся поразмыслить над тем, каким образом ты до этой минуты презентовала свои аргументы, и подумай, делала ли ты это с позиции отчуждения или приобщения. Например, побуждать девочек к тому, чтобы участвовать в школьных президентских выборах, – это одно. А вот требовать отставки Лена – это совершенно другое.

Я обдумываю его слова.

– Вы правы, – соглашаюсь я, – но, наверное, я просто не совсем понимаю... как можно примирительно ответить на то, например, что мой шкафчик разрисовали маркером и напичкали тампонами?

– Может, для начала не вываливать их на пол в прямом эфире?

В чем-то с ним трудно не согласиться.

– Естественно, то, что твой шкафчик измазали – это неприемлемо, и будь уверена, что виновный понесет наказание, если его или ее удастся обнаружить, – продолжает директор. – Но, если честно, я был разочарован тем, как ты необдуманно поступила и усугубила это хулиганство. Обсуждать такие, хм, личные вопросы в прямом эфире да еще в образовательном учреждении, это попросту дурной тон.

– Не особенно личные, – возражаю я. – Все, кто сидит в соцсетях, в курсе, что произошло в «Горне». И, кстати, знаете, на моем шкафчике до сих пор написано «ФЕМИ-НАЦИСТКА».

Доктор Гуинн прочищает горло.

– Я имел в виду тему... женской гигиены.

До меня не сразу доходит.

– Вы хотите сказать, что тампонам не место в утренних объявлениях?

Доктор Гуинн секунду задумчиво изучает меня.

– Возможно, миз Уайлдер поможет мне объяснить. – Он пожимает плечами, как будто это не его задача. – Я просто хочу обеспечить всем школьникам комфортную среду.

Слушайте, я все понимаю. Тампоны – это стыдно. Месячные – это стыдно. ПМС почему-то не стыдно, но это, наверное, от того, что данная аббревиатура стала синонимом плохого настроения у женщин. И вся эта история с *кровотечениями* и по сей день везде считается отстойной, за исключением определенных прогрессивных уголков Интернета. И да, я признаю: до того как я сожгла за собой мосты, вывалив из рюкзака тампоны, я была соучастницей такого замалчивания, как и большинство девушек. У меня даже был особый маневр, чтобы незаметно для всех достать прокладку во время урока (под безобидным предлогом залезть в рюкзак, запихнуть прокладку в огромный рукав свитера, поднять руку и отпроситься в туалет – и никто не узнает, что у меня при-

прятано).

Но очень странно сидеть и слышать от доктора Гуинна то, насколько месячные постыдны. Да у него же ни разу в жизни не было менструации – как он вообще может иметь о ней какое-то мнение?

– А может быть, – говорю я как можно более примирительным тоном, – в этой среде не всем комфортно... поскольку нам нельзя публично говорить о том, что является нормальной, здоровой частью жизни каждого учащегося и преподавателя Уиллоуби, у кого бывают месячные?

Устарелое переговорное устройство на столе доктора Гуинна жужжит: это миз Уайлдер передает сообщение, не сулящее ничего хорошего.

– Мистер Димартайл ожидает в приемной, – говорит она, а потом шуршание в динамике со щелчком прекращается.

Директор зажимает кнопку и отвечает:

– Спасибо, Клэр, через минуту мы будем готовы с ним пообщаться.

Какое-то время он ничего больше мне не говорит. Этого времени хватает, чтобы я начала задаваться вопросом, что значит это «мы будем готовы».

Наконец он улыбается.

– Очень хорошо, Элайза. Похоже, нам всем время от времени необходимо пересматривать свои взгляды. Я понимаю, что ты хочешь сказать, – он указывает на значок «Я ЗА ФЕМИНИЗМ», – но я надеюсь, что и ты меня поймешь. – Ди-

ректор снимает очки, открывает другой ящик стола и достает салфетку из микрофибры. – С возрастом, сталкиваясь с установившимися в обществе нормами, ты, скорее всего, будешь не раз замечать за собой злость, – говорит он, протирая стекла. – Взросление отчасти состоит в том, чтобы научиться реагировать на это продуктивно.

Он полирует стекла без всякой спешки, и каждая секунда промедления мучит все больше, потому что я чувствую: мне не понравится то, что сейчас будет.

– Давай, к примеру, обсудим твои взаимоотношения с Леном.

– Я...

– Выслушай меня, Элайза. Вы сотрудники. Вы равные. Сейчас создается впечатление, что у тебя много неприязни по отношению к нему, и это можно понять. Ты чувствуешь, что у тебя что-то отняли. И, возможно, в каком-то смысле в этой ситуации была допущена несправедливость. Но жизнь, моя дорогая, часто бывает несправедлива. Однако правильное решение состоит в том, чтобы не углублять яму, в которой ты стоишь. Нужно протянуть друг другу руки над траншеями, и, как сказал бы наш дорогой друг Форстер, соединить. Только соединить⁴. – Директор встает и подходит к за-

⁴ «Только соединить! Вот и все, к чему сводилась ее проповедь. Только соединить прозу и страсть, и тогда обе они возвысятся, и мы увидим человеческую любовь в ее наивысшем проявлении. Больше не надо будет жить обрубками. Только соединить, и тогда оба – и монах, и животное, – лишены изоляции, которой является для них жизнь, умрут». – Э. М. Форстер, английский писатель XX века,

крытой двери. — Для этой цели я пригласил Лена присоединиться к нашему разговору. Я надеюсь, ты не против?

— А-а... — говорю я, и он открывает дверь.

Лен устроился на одном из таких же пластиковых стульев прямо напротив кабинета доктора Гуинна. Когда дверь открывается, он поднимает голову. Димартайл сидит ссутулившись, уложив локти на колени, как будто его отправили на скамью запасных. Толстая книга в мягкой обложке веером раскрыта в его руках.

— Здравствуй, Лен, — мягко приветствует доктор Гуинн, как будто мы все сейчас сядем приятно пообедать. — Проходи.

Закрыв книгу с легким хлопком, Димартайл встает и одним стремительным движением подхватывает с пола рюкзак. Он плюхается на стул рядом со мной и тут же отклоняется назад, так что передние ножки отрываются от пола. Колени его почти достают до крышки директорского стола.

Внезапно у меня возникает такое чувство, что кабинет слишком тесен для нас троих. Мой рюкзак становится все более неудобным, но мне кажется, если я его сейчас сниму, это будет равносильно объявлению о капитуляции.

— Как я только что говорил Элайзе, — начинает доктор Гуинн, — учитывая все, что произошло, было бы замечательно, если бы вы оба оставили враждебность и установили если не дружеские, то хотя бы товарищеские рабочие отношения.

Особенно при том, что (как сообщил мне мистер Пауэлл) Элайза, скорее всего, станет ведущим редактором и в следующем году. — Доктор Гуинн делает жест в сторону парня. — Если только ты, Лен, не решил согласиться с Элайзиным... э-э... призывом к действию?

Тот разворачивает ириску.

— Пока нет, — говорит он, и я усилием воли заставляю себя не закатывать глаза.

— Чудесно. — Доктор Гуинн выглядит таким довольным, как будто Лен высказался за нас обоих. — Я предложил мистеру Пауэллу, чтобы до конца этого года вы писали все материалы для «Горна» вдвоем.

Мы с Леном начинаем говорить одновременно.

— Я ведущий редактор, а это значит, что я *редактирую*...

— Нам необязательно...

— От меня уже не требуется писать так много материалов...

— Мы нормально ладим...

Доктор Гуинн поднимает руку, и мы замолкаем.

— По одному, пожалуйста, — предлагает он. — Элайза?

— Сейчас я в основном только редактирую, — объясняю я. — У меня вряд ли будет время писать в соавторстве достаточно статей.

— Но ты ведь в данный момент работаешь над одной статьей? Кажется, мистер Пауэлл упоминал об этом. Насчет чайного кафе через дорогу, верно? Похоже, интересная те-

ма. Начните с нее.

Ох, мистер Пауэлл, вы меня сдали, сами не подозревая. Я немного горблюсь, упираясь спиной в рюкзак.

– Впрочем, ты указала на важный момент, Элайза. Лен, так как Элайза будет помогать тебе с твоими обязанностями по написанию статей и репортажей, ты, в свою очередь, сможешь ей с редактированием. Общие дела помогут вам научиться лучше работать вместе.

Я начинаю возражать, что это по факту явное понижение в должности (притом раньше срока), но Лен успевает сказать первым:

– Доктор Гуинн, я на сто процентов согласен со всем, что вы говорите. – Он перекачивает ириску за щеку. – Вот только, наверное, я немного сомневаюсь, что это все необходимо, ведь мы с Элайзой и так дружим. – Тут и доктор Гуинн, и я начинаем тарашиться на него. – Правда, Элайза? – говорит Лен и улыбается мне так, будто мы с ним постоянно вместе тусим.

Я пытаюсь найти на его лице какое-то объяснение, но ничего подобного не вижу, только замечаю, что зеленая фланелевая рубашка придает его глазам скорее ореховый, а не карий оттенок.

Сейчас логично было бы объяснить доктору Гуинну, что я понятия не имею, о чем треплется Лен, поскольку он попросту врет и не краснеет, а значит, должен понести наказание вдвое тяжелее моего и притом без всякого моего в этом

наказании участия.

Но Лен наблюдает за мной, будто ожидая, что именно так я и отвечу. Его любопытство оборачивается вокруг меня, как ловчая сеть. Так что я говорю совсем другое:

– Мы... приятели.

– Правда? – удивляется доктор Гуинн.

– Она одолжила мне вот это, – сообщает Лен, показывая книгу, которую читал в приемной. Она называется «Жизнь: способ употребления». Я ее в жизни не видела.

– Как интересно, – директор, как и я, изучает обложку. Читал он эту книгу или нет, определить невозможно. – А почему ты предложила Лену именно ее, Элайза?

Лен открыл было рот, но доктор Гуинн покачал головой.

– Элайза? – повторяет он.

Я распрямляюсь на стуле и бросаю еще один взгляд на книгу. Зацепиться особо не за что, разве что за имя автора, Жорж Перек – видимо, это перевод с французского.

Я пляшу от этого.

– Лен любит французскую литературу.

– Точно, – быстро соглашается тот.

– В переводе, конечно.

– Естественно, только в переводе.

– И в основном писателей-мужчин, как я заметила.

– Может, в следующий раз посоветуешь какую-нибудь писательницу?

– Знаешь что? Я так и сделаю.

Доктор Гуинн переводит взгляд с меня на Лена. Эта пауза кажется нескончаемой.

— Ну что ж, — говорит он наконец, как будто мы его удивили и позабавили, — кажется, из вас получится хорошая команда.

Я выдыхаю и ловлю себя на том, что с облегчением улыбаюсь Лену, а он опять проводит двумя пальцами по волосам. Это движение не кажется мне таким уж небрежным. Теперь, поразмыслив, я вижу, что для мальчишки это то же самое, что для девчонки — убрать волосы за уши. Когда Лен замечает мою задумчивость, он чуть улыбается в ответ, и на одно жаркое мгновение я почти жалею, что нам удалось провести доктора Гуинна.

И тут директор продолжает:

— А значит, вам не составит труда осуществить наш план. — Доктор Гуинн так сильно отклоняется назад, что его блестящая лысая голова почти касается стены, а кресло зловеще поскрипывает. — С нетерпением жду статьи с вашими именами в подзаголовке.

10

– Что это был за номер?!

Лен размашисто шагает через асфальтированный двор, а я семеню следом, стараясь не отставать. Мы оба спешим на пятый урок (английский) с розовыми талончиками опоздавших в руках.

– Я пытался вытащить нас из этого тандема Вудворда и Бернстина... ⁵ – отвечает он.

– Да, это я поняла, – киваю я, – но с чего тебе взбрело ляпнуть, что это я дала тебе книгу?

– Мне нужна была деталь, которая сделала бы историю правдоподобной. – Он пожимает плечами и бросает в рот вторую ириску. – Это первое, что пришло мне в голову.

⁵ Журналисты, расследовавшие громкий Уотергейтский скандал, который в итоге привел к отставке президента Никсона (прим. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.